

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Чёрный
список

Каменская

Александра Маринина

Черный список

«Автор»

1995

Маринина А.

Черный список / А. Маринина — «Автор», 1995 — (Каменская)

ISBN 5-04-004306-6

Убийство двух актрис, кинозвезды и известного кинорежиссера заставило подполковника Владислава Стасова предположить существование преступной организации, убивающей людей из мира кино. Подтверждением этой версии стал случайно оказавшийся в руках его дочери листочек бумаги – «черный список» потенциальных жертв. И с этой минуты жизнь Стасова и его близких – в смертельной опасности.

ISBN 5-04-004306-6

© Маринина А., 1995

© Автор, 1995

Содержание

Не только Каменская	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александра Маринина

Черный список

Не только Каменская

Сейчас уже трудно в это поверить, но были времена, когда женщина, ведущая расследование, вызывала у издателей (а возможно и у читателей) аллергию. Считалось, что герой-сыщик непременно должен быть мужчиной, – высоким – под метр девяносто, мускулистым – почти как Сталлоне, и вдобавок очень интеллектуальным, как... ну, скажем, Дэвид Духовны. А Александра Маринина в те времена еще не была русской Агатой Кристи, и ей приходилось подлаживаться под чужие требования. В результате увидел свет роман «Черный список», в котором действовал Владислав Стасов – высокий, мускулистый и интеллектуальный, как раз именно такой, какой нравился издателям. Но Маринина не была бы Марининой, если бы не проявила своеволие и не дала в пару Стасову детектива-женщину, вдребезги разбивающую все издательские «стандарты». Потому что ни лицом, ни (тем более) фигурой она отнюдь не походила на голливудскую красотку, но совсем не уступала главному герою романа силой интеллекта.

Татьяна Томилина, на первый взгляд, полная противоположность любимой героине А.Марининой – Насте Каменской. Каменская – худощавая блондинка, которая равно может быть и красавицей и дурнушкой; этакая царевна-лягушка, сбрасывающая безобразную лягушачью кожу и преображающаяся в царевну исключительно по собственному желанию. Татьяна Томилина же, казалось бы, прикладывает массу усилий, чтобы выглядеть царевной, и отнюдь не всегда это у нее получается (начав читать «Черный список», вы ни за что не угадаете, какой из двух появившихся на первых же страницах девушек суждено стать героиней). Но на самом деле Томилина и Каменская – не единство и борьба противоположностей, а скорее две ипостаси единой героини, несущие те или иные ее черты. И обе они в какой-то степени – Александра Маринина.

Однако «Черный список» замечателен и примечателен не только тем, что в нем нет Анастасии Каменской и что следствие ведет мужчина. Здесь Маринина впервые вводит читателя в мишурно-блестящий мир кино. Светская жизнь кинофестиваля, кинокумиры, известные режиссеры, богатые продюсеры, – словом, море, пальмы, Сочи. И на этом кинематографически-бутафорском фоне – серия загадочных убийств, грозящих превратиться в «громкие», но так и не раскрытые дела. Если бы... Если бы, на беду злодеев, в этот момент в южном городке не оказались случайно Владислав Стасов и Татьяна Томилина.

Мир кино – место действия и другого детектива, «Посмертный образ». Собственно, эти романы можно рассматривать как своеобразную диалогию: то, что осталось «за кадром» в «Черном списке», проявляется в «Посмертном образе». Нам показали изнанку кинофестиваля, показательного и пышного кинопраздника, а теперь нас приглашают заглянуть за кулисы крупной столичной киностудии, где и протекает будничная жизнь современных «властителей дум».

Подчиненным Гордеева-Колобка – Насте Каменской, Юре Короткову, Коле Селуянову и другим предстоит нелегкая работа. Убита молодая талантливая актриса, секс-символ и стремительно восходящая звезда, и им надо шаг за шагом проследить всю жизнь несчастной Алины Вазнис, чтобы разобраться с мотивами ее убийства. А заодно исследовать и жизнь ее киноокружения: режиссера, продюсера, других актрис... Разгадка преступления, как всегда у Марининой, совершенно неожиданна и находится отнюдь не там, где все искали.

В этом одна из примет творчества А. Марининой. Детективный сюжет для нее не самоцель, гораздо интереснее будничная жизнь, будь то мир кино или мир крупного книгоиздательства («Стилист»). Именно здесь, в «черных буднях», как говаривали когда-то, «есть место подвигу». Здесь испытывается человеческий характер, здесь кроются причины всех его поступков, как героических, так и преступных.

Кстати, в «Посмертном образе» Насте активно помогает вести следствие все тот же красавец Владислав Стасов... Впрочем, рассказывать содержание детектива – оказывать читателю медвежью услугу. Скажу только, что книги Марининой, в отличие от многих прочих детективов, написанных дамами и в основном для дам, нельзя определять по «половому признаку». У Александры Марининой детективы для всех – и для мужчин, и для женщин. Мужчина будет следить за развитием сюжета, так до конца и не понимая, кто же убийца, а женщина, помимо захватывающей интриги, найдет у Марининой еще множество увлекательных и бодрящих мелочей, помогающих в непростой женской жизни. Множество практических жизненных наблюдений, ненавязчивых советов, как, например, справляться с личными и прочими трудностями. И в «Черном списке», и в «Посмертном образе» одна из таких мелочей – и немало важная – вполне аргументированное утверждение, что любят всяких женщин: и красивых, и некрасивых, и умных, и закомплексованных. А женщин «больших размеров», вопреки навязываемому нам рекламному стандарту, тоже любят, и любят не только бросовые мужички, но и статные красавцы. Потому что не в размерах дело...

Наталья ТАТЬЯНИНА

Глава 1

Я – счастливчик. Наверное, это оттого, что на самом деле нас двое: я и мой ангел-хранитель. Славный такой парнишка, с крылышками за спиной и стеклянным барабаном в руках. В этот барабан насыпаны свернутые в трубочки бумажки, на которых написано «повезет» или «не повезет». И ни он, ни я не знаем, сколько в барабане счастливых и несчастливых билетиков. Просто он каждый раз открывает заслонку, засовывает туда свой пухлый пальчик и одну бумажку выковыривает. А я каждый раз думаю: а вдруг все удачные билетики уже кончились и теперь начнется сплошная невезуха? И раз от разу этот страх все сильнее, потому что «везучие» бумажки до сих пор попадались чаще и, по идее, они уже давно должны были кончиться. Так что начало полосы невезенья я ожидаю каждый день, а до сих пор, видит бог, мне жаловаться было не на что. Даже после того, как я развелся с Ритой и начал себе позволять крутить романы с двумя-тремя дамами одновременно, ни разу они не столкнулись на моем пороге, хотя, надо признать, «люфт» между их визитами порой бывал минимальным, минут в пять. Но все-таки был. Как говорится, беда уже дышала в затылок, но в последний момент отступала.

И в этой поездке мне тоже везло с самого начала. И самолет вылетел вовремя, и место в салоне досталось в задних рядах, где разрешалось курить, и сосед всю дорогу проспал и не приставал с глупыми дорожными разговорами. И Лиля не капризничала, что, вообще-то, дело обычное и к везению причисляться не может, ибо Лиля – ребенок самостоятельный и очень спокойный. Когда она родилась, мы с Риткой были молодые и резвые, нам хотелось не только сделать карьеру, но и сбежать в гости или на какую-нибудь тусовку, а бабушек, с которыми можно оставить Лилю, у нас не было. То есть чисто теоретически бабушки, конечно, были, но они тоже были еще относительно молодыми и достаточно резвыми для своих лет, и им тоже интереснее было работать и общаться, нежели сидеть взаперти и развлекать дитя. Поэтому в три года наша дочь уже умела читать, а в пять мы спокойно оставляли ее дома в компании Элли, Тотошек, Железных Дровосеков и Трусливых Львов. Нужно было только уложить ее в постель, дать книжки, поставить рядом большую тарелку с фруктами и графин с компотом. Может, если бы мы больше бывали дома, Лиля стала бы обычным капризным ребенком, но характер ее сформировался именно под влиянием нашего с Риткой постоянного отсутствия. Как там было у Корнея Чуковского? «Я не тебе плачу, а тете Симе». Кому ей было капризничать, если все равно никто не слышит? Но во всем этом наряде с множеством маленьких плюсиков был один огромный минус: Лиля привыкла быть скрытной. Не потому, что ей было что скрывать, а просто потому, что она не привыкла ни с кем делиться. И плоды этой скрытности, возвращенной нашими с Ритой неумелыми легкомысленными руками, мне еще предстояло вкусить в полной мере.

Сейчас Лиле было уже восемь, и она, пользуясь полной бесконтрольностью, перечитала всего имеющегося дома Мопассана и настырно подбиралась к Бальзаку. Получив таким образом весьма полное представление о взаимоотношениях полов, она выработала собственную версию развода родителей, в соответствии с которой факт нашего с Ритой раздельного проживания означал именно раздельное проживание и ничего больше. Конечно, отношения у нас остались нормальные, и ни о каких проявлениях враждебности и речь не шла. Ну удобно людям жить врозь, что тут такого? Тем более что, учитывая характер деятельности моей бывшей супруги, видела нас девочка одинаково часто: по два часа в неделю.

Рита всю жизнь работала в кино. Нет, она не актриса, Боже упаси, она кинокритик, причем с таким злым и язвительным языком, что врагов у нее больше, чем вообще знакомых. Как ни странно, ее этот факт совершенно не огорчал, напротив, она сшила из него элегантный наряд, в котором щеголяла направо и налево. Когда кто-то выказывал ей симпатию или дружеское расположение, она томно говорила:

– Вы такой оригинал, голубчик. Меня обычно не любят. У меня столько врагов!
Впрочем, с чувством юмора у моей благоверной всегда было все в порядке.

Два дня назад она укатила в курортный город готовить очередной кинофестиваль. Следуя ее грандиозному замыслу, я должен был привезти туда Лилю и поселиться с ней в частном секторе, а Рита будет систематически нас навещать, контролировать и приносить фрукты. Мне эта затея не казалась удачной, я вполне мог бы провести отпуск с дочерью без Риткиного назойливого надзора, но она была непреклонна.

– Ребенку будет приятно побыть на юге с обоими родителями, – говорила она, и мне, честно признаться, нечего было ей возразить.

Я снял комнату у милейших супругов-пенсионеров и целые дни проводил с Лилей на пляже. Удивительно, но приближение Риты девочка чувствовала еще тогда, когда ее не было видно, а уж на зрение я никогда не жаловался.

– Сейчас мама придет, – задумчиво тянула она, не обращая внимания на мои скептические ухмылки.

И действительно, минут через пять на пляже показывалась Рита в своей неизменной юбке «лохмутиками». Знаете, модная такая юбка, на которой разрезов больше, чем самой ткани. Слово «лохмутики» придумала Лиля, и я в который уже раз подивился тому, как хорошо она чувствует русский язык. Нет, что ни говори, а ребенок у меня совершенно замечательный.

Ритка шла через забитый голыми телами пляж, сверкая своими изумительными ногами в «лохмутных» разрезах, и казалась еще более обнаженной, чем одетые в купальники загорающие дамы. Лежащие на песке мужики таращились на ее обалденные ноги, не обращая внимания на лицо, на котором все прожитые годы были в наличии: все тридцать два, до копейки. Она не выглядела ни на день моложе, но ее, судя по всему, это совершенно не заботило, потому что на ее потрясные ноги и вообще на ее фигуру «покупались» все мужчины, независимо от возраста.

Она подходила к нам, облизывала Лилю с ног до головы, небрежно чмокала меня в щеку и начинала выкладывать из огромной белой сумки полиэтиленовые пакеты с абрикосами, персиками, сливами и виноградом.

– А колбаски? – робко спрашивала Лиля, которая, наевшись фруктов в те долгие вечера, когда мы с Риткой бросали ее дома одну, теперь смотреть не могла ни на них, ни вообще на сладкое.

Рита в ответ разражалась длинной нравоучительной тирадой о пользе даров юга и необходимости витаминов для юного растущего организма. Лиля делала вид, что слушает, покорно вздыхала и исподтишка поглядывала на меня, а я, в свою очередь, тоже делал вид, что согласно киваю в такт вдохновенным словесным пассажам моей экс-супруги, и одновременно подмигивал дочери, что означало твердое обещание купить ей вечером возжеленной сырокопченой колбаски.

Почему-то Рита никогда не брала с собой купальник, когда приходила к нам на пляж. Наверное, она предпочитала плавать в бассейне, где на бортике сервируют шампанское и легкую закуску: устроители фестиваля на антураж в этом году не поскупились. Она опускалась на наше большое пляжное полотенце, при этом «лохмутики» вообще исчезали неведомо куда и ноги ее представляли перед желающими «посмотреть на красивое» во всем длинно-округлом великолепии, увенчанном тщательным педикюром, и начинала торопливо жаловаться на козни конкурсантов, духоту в номере и вообще полную неорганизованность. Сценка «Я делюсь с папой своими проблемами» была рассчитана ровно на четырнадцать минут, после чего Маргарита Мезенцева, по бывшему мужу Стасова, повторяла ритуал облизывания дочери, махала нам рукой и царственно удалялась. Навещала нас она дважды в день, утром и вечером, перед тем, как мы уходили с пляжа.

Сегодня утром все начиналось как обычно. Лиля задумчиво посмотрела на болтавшийся в волнах буюк и сказала:

– Сейчас мама придет.

Но на этом сходство эпизода со всеми предыдущими закончилось. Рита появилась гораздо быстрее, чем я ожидал после традиционной реплики восьмилетнего ребенка, из чего можно было сделать вывод, что она почти бежала. Вид у нее был, прямо скажем, не самый лучший, и, глядя, как она пробирается к нам между плотно лежащими телами, я начал было сомневаться, правильно ли я помню год ее рождения. Вчера ей было тридцать два, а сегодня уже под сорок.

Облизывание было пропущено, фруктовое изобилие из белой сумки почему-то не появилось. Рита с размаху плюхнулась на полотенце и подняла на меня измученное лицо.

– Ой, Владик, какой кошмар... Ольгу убили.

Я оторопел настолько, что даже не понял, о какой Ольге идет речь.

– Ольгу?

– Ну да. Олю Доренко.

– Как убили? – глупо спросил я.

– Зарезали ножом.

– Кто?

Этот вопрос мог бы, пожалуй, достойно конкурировать с предыдущим. Он не был ни умным, ни оригинальным.

– А я знаю? Меня всю ночь в милиции продержали.

– Почему? Ты-то при чем?

– Ой, Владик, ну все же знали, что у тебя с ней был роман, вот и подумали, что это я ее... Из ревности.

– Да какой роман? Что ты несешь? – разозлился я, но тут же вспомнил, что рядом с нами сидит Лиля, при которой надо делать хорошую мину и по возможности следить за речью.

– Ты же знаешь, что с Ольгой у меня никогда ничего не было, – продолжал я уже спокойнее. – Тебе же сто раз объясняли.

– Ну да, конечно, поэтому я и сказала в милиции, что это скорее всего Гарик. – Что – Гарик?

– Убил ее.

– О Господи! Этого только не хватало!

– А что? Он ее любовник, ты сам мне говорил.

Это была классическая ситуация, когда человек попадает в сети собственной лжи. У меня никогда не было ни романа, ни даже легкого флирта с Олей Доренко. Но и известный кинорежиссер Игорь Литвак никогда не был ее любовником. Это была ложь, которую мы с Олей сочинили специально для Риты, когда ее беспочвенная ревность стала переходить всякие разумные границы.

Ольга и Рита были давними подругами, и вполне естественно, что мы постоянно встречались в компаниях и ходили друг к другу в гости. Ольга нравилась мне гораздо больше всех прочих Риткиных подруг, она была очень славной и неглупой женщиной, по-настоящему талантливой актрисой, но с личной жизнью у нее катастрофически не складывалось. Есть такие женщины, которых мужчины всегда бросают. Чем это вызвано, какими их особенностями, никто сказать не может. И умницы, и красавицы (а Оля Доренко была красивой), и прекрасные хозяйки, а мужикам все чего-то в них не хватает. Может быть, изюминки? Чего уж там Рите показалось, я не знаю, но только в один прекрасный день она начала нервничать и весьма прозрачно намекать мне на мои слишком теплые отношения с Олей. Я бы стерпел, но беда в том, что она начала доставать и Ольгу. Язычок у моей благоверной, как я уже говорил, был достаточно острым, чтобы подруга сначала стала недоумевать, а потом и всерьез обижаться.

Дальше – больше. Ритка с лицом оскорбленной мадонны стала рассказывать всем кому не лень, что ее муж заигрывает с восходящей звездой экрана Доренко. Идея ревности превратилась в навязчивую, Ритка потеряла покой и даже несколько раз пыталась выследить меня. Один раз она сделала это крайне неудачно. Мы тогда разрабатывали группу, работавшую в подпольной лаборатории по изготовлению наркотиков, и Ритка своим появлением сорвала хитро задуманную операцию. Огромные усилия пошли псу под хвост, я схлопотал крупные неприятности на работе и понял, что против ее болезни нужно придумывать радикальное лекарство. И тогда мы с Олей, посоветовавшись, решили выдать Рите историю про тайный роман с Игорем Литваком. Это был как раз тот случай, когда самая невероятная ложь легко сходит за правду.

Дело в том, что Игорь Литвак был белой вороной в кинематографических кругах. Он славился тем, что был предан своей семье, обожал четырех детей и толстую некрасивую жену и ни разу за двадцать лет работы в кино не был замечен ни в каких даже подобию флирта. Именно этим мы и объяснили тот факт, что о романе Ольги и Гарика никто не знал: это хранилось в строжайшей тайне, ибо жена Литвака была родом из Тбилиси, воспитана в жестких правилах и при малейших слухах немедленно забрала бы детей и уехала в Грузию, где имела многочисленную родню. Разлука с детьми была бы для него трагедией, поэтому первый (после жены, разумеется) свой роман Игорь охранял от посторонних глаз как зеницу ока.

– Почему Оля мне ничего не рассказывала? – недоумевала Рита.

– Потому что она вообще никому об этом не говорит. Никому, понимаешь? Ни единой живой душе. Гарик ее просил, – убежденно врал я.

– Но тебе-то сказала, – упиралась жена.

– Она и мне не говорила. Я узнал случайно. В ее доме было совершено преступление, участковый пошел с поквартирным обходом искать свидетелей, а Игорь в это время был у Ольги. Так и выплыло.

Рита с пониманием отнеслась к нашей душераздирающей истории, сразу же успокоилась и, к ее чести надо признать, никому не проболталась. И вот теперь наша милая шутка грозила обернуться для ничего не подозревающего Игоря Литвака огромными неприятностями.

– А Гарик здесь, на фестивале? – осторожно спросил я.

– Конечно. Он председатель жюри. А Ольгу представили в номинации на лучшую женскую роль. Я не сомневалась, что она получит приз.

– Она прекрасная актриса, – поддакнул я, лихорадочно соображая, что делать.

– Да при чем тут прекрасная актриса, – отмахнулась Рита. – Гарик же председатель жюри, неужели он бы ей приз не выбил.

Нет, Маргариту уже ничто не исправит. Даже об убитой подруге она не может не сказать колкость. Иногда, когда я смотрю на Риту и вижу ее необыкновенные ноги, я размышляю о том, не ошибся ли я, разведясь с ней. Но в такие минуты, как сейчас, я понимаю, что не ошибся. Ритка с ее вечной злостью и нервозностью была мне противопоказана, как маринованный перец больному язвой желудка.

В течение следующих пятнадцати минут я узнал, что Оля вчера присутствовала на пресс-конференции, которую устроили после просмотра того фильма, где она сыграла главную роль. Потом имела место обычная коллективная пьянка в ресторане гостиницы, когда уследить друг за другом совершенно невозможно, все ходят и бродят куда глаз глянет, поднимаются в свои и чужие номера, возвращаются, купаются в бассейне с подсветкой и шампанским и занимаются торопливой, но от этого не менее страстной любовью под окружающими гостиницу пышными тропическими кустами. Ольга жила в номере вместе с актрисой Люсей Довжук. И вот, когда Люся около трех часов ночи вернулась в номер, она увидела лежавшую на полу в луже крови Ольгу.

Прибежали мальчишки из службы безопасности, вызвали милицию, а кто-то возьми и скажи (с пьяных глаз чего не ляпнешь), что Маргарита Мезенцева давно уже ревновала своего

мужа, хоть и бывшего, к Ольге Доренко, а муж-то этот примчался сюда, на фестиваль, хотя раньше никогда ничего подобного за ним не замечалось. Не иначе как ради Ольгиных прекрасных глаз. Пока были женаты, ни на один фестиваль вслед за женой не приезжал, а после развода – нате вам, пожалуйста, прикатил. И как только Риточка это терпела!

Местные милиционеры вполне разумно решили, что Риточка терпела это с трудом. То есть с таким огромным трудом, что в один прекрасный момент не выдержала и убила проклятую разлучницу. Риточку тут же попросили «пройти» и стали дотошно выяснять, была ли у нее возможность зарезать подругу. К сожалению, выяснить ничего им не удалось, потому что все были в таком подпитии, что ничего толком не помнили. Где находилась Мезенцева в период с 23 часов до 3 часов ночи? Куда она выходила? Где и с кем ее видели? Поднималась ли она на 16-й этаж, где находится номер Доренко? Не выглядела ли подавленной или, наоборот, возбужденной? Разгневанной? Раздраженной? Много ли пила? И так далее... Вопросы остались открытыми, но Риту отпустили, попросив, естественно, из города не уезжать. На прощание она кинула им кость – сказала про Литвака.

И я понял, что должен как-то помочь бедняге Игорю. Я остро чувствовал свою вину перед ним и ни в коем случае не хотел, чтобы он пострадал из-за истории, корни которой тянутся из идиотской ревности моей бывшей жены.

* * *

Городское управление внутренних дел выглядело недавно отремонтированным и свеженьким, как только что выкупанный младенец. Я оставил Лилию на лавочке в обществе книжки про Мумми-тролля, дав ей пятитысячную купюру на тот случай, если она захочет мороженого или воды. Впрочем, я не сомневался, что как только я исчезну в проеме двери, она тут же подойдет к книжному киоску, который я заметил неподалеку, и купит очередной «женский» роман Барбары Картленд. Я никак не мог выяснить, что же ей удастся понять в этих книжках, подозреваю, что очень немного, но читала она их с упоением.

В здании управления было сумрачно и тихо. Постовой мельком взглянул на мое удостоверение и молча кивнул, разрешая пройти. Дежурная часть была с виду самой обычной, но, присмотревшись, я увидел, что электроники туда напихали не на одну тысячу долларов, и позавидовал городу, который может себе позволить вкладывать деньги в правоохранительную систему. Дежурный, толстый потный майор, долго делал вид, что не видит меня, а я так же долго делал вид, что терпеливо жду. Мне всегда интересно, как в дежурной части относятся к посетителям, когда еще не знают, кто они и зачем пришли. Если театр начинается с вешалки, то милиция – с дежурки. Она – лицо учреждения, не в смысле чистоты и компьютеризации, а в смысле отношения к гражданам. Какой стиль царит в «управе», такой и в дежурке.

Майор не выдержал первым.

– Слушаю вас, гражданин. Что у вас?

Я протянул ему свое удостоверение.

– Мне нужен опер, который работает по убийству актрисы Доренко. Поможете?

Майор молча вернул мне красную книжечку и стал куда-то названивать.

– Двенадцатый кабинет, – наконец после нескольких звонков произнес он. – По лестнице на второй этаж и направо.

То, что я увидел в кабинете, на котором значился номер 12, меня озадачило. Там никак не мог находиться оперативник, которого я искал. Это был типичный кабинет начальника, роскошный, обставленный добротной мебелью. И человек, который восседал во главе письменного стола, тоже смотрелся начальником. Хорошо за пятьдесят, жесткие глаза, грузная фигура.

– Подполковник Стасов, Управление уголовного розыска, ГУВД Москвы, – представился я, пытаюсь справиться с недоумением.

– Мне о вас не звонили, – сообщил мне хозяин кабинета, глядя куда-то в сторону.

Я с ужасом подумал, что не знаю, кто он, как его зовут, и вообще произошло какое-то недоразумение. На кителе я увидел полковничьи погоны, которые с равным успехом могли принадлежать и начальнику управления, и любому из его заместителей. Правда, вход в кабинет был из коридора, а не из приемной, и это позволяло надеяться, что я попал все-таки не к начальнику, а к кому-то из замов.

– Дежурный сказал, что я должен пройти в двенадцатый кабинет.

– Правильно. Но из Москвы о вас не звонили. Что вы хотите? Тут я сообразил, что дежурный принял меня за сыщика, который приехал из Москвы в связи с убийством Ольги. Вероятно, поэтому он и направил меня к руководству, так сказать, представиться и доложить по команде. А руководство, естественно, ни сном ни духом ни про какого сыщика и знать не знает.

– Товарищ полковник, я хотел бы встретиться с сотрудниками, которые занимаются убийством Ольги Доренко.

– Зачем? Кто вас уполномочил?

Вопрос мне не понравился. Где ты, прославленное милицейское братство! Где ты, воспетое в книгах и фильмах чувство локтя, дружеская помощь и своевременная поддержка! Полковник вел себя так, словно ему было глубоко наплевать на сам факт убийства актрисы и больше всего его заботит вопрос о том, чтобы в светлые ряды городских милиционеров не проник московский шпион с его грязным разлагающим влиянием.

– Меня никто не уполномочил. Но я могу оказаться полезным в расследовании убийства. Я хорошо знал потерпевшую.

– Кто вас прислал?

– Никто меня не присылал, я нахожусь в вашем городе на отдыхе, узнал об убийстве и пришел.

– Откуда вы узнали об убийстве?

Все это больше походило на допрос, словно я обманным путем пытаюсь втереться в процесс расследования, преследуя свои темные интересы.

– Мне сообщила моя жена, она работает на кинофестивале.

Я не стал упоминать о том, что жена – бывшая, потому что тогда пришлось бы долго объяснять ему про Лилию и про Ритины педагогические экзерсисы.

– Фамилия жены?

– Мезенцева. Маргарита Мезенцева.

– А ваша фамилия – Стасов? Очень интересно.

Я вдруг понял, что стою перед ним, вытянувшись по стойке «смирно». Видимо, его недоброжелательность оказывала на меня гипнотическое воздействие.

– Если у вас есть информация, проливающая свет на убийство Доренко, вы можете поделиться ею со мной, – холодно произнес полковник, занимающий так и не установленную мною должность. – Я не сторонник подключения посторонних лиц к работе, это часто мешает и создает дополнительные трудности.

– Но я профессионал, а не посторонний, – попытался возразить я.

– Насколько я понял из ваших слов, вы можете быть потенциальным свидетелем, и в этом смысле вы, безусловно, посторонний. Мы используем вас в качестве свидетеля. Пожалуйста, я готов выслушать все, что вы знаете о Доренко. Но привлекать вас к работе я не позволю. Вы находитесь в данный момент не на службе, и как профессионал вы для меня не существуете.

– А если вам позвонят насчет меня из Москвы, вы допустите меня к работе?

На самом деле я вовсе не хотел, чтобы меня допускали к работе. Наверное, я закоренелый эгоист, но у меня никогда не бывает потребности влезать в чужое дело и помогать изо всех сил. Каждый должен тянуть свой воз. Мой визит сюда был продиктован не стремлением подключиться к работе по разоблачению убийцы, а единственно желанием поговорить по-мужски с

оперативниками, объяснить им, что Гарик Литвак не имеет к убийству ни малейшего отношения, потому что его связь с убитой является чистейшей воды плодом воображения. Вот и все. Мои благие намерения не шли ни на сантиметр дальше. Но мне стало любопытно, отчего этот полковник, восседающий в роскошном кабинете, так меня невзлюбил и почему он не хочет допускать меня к расследованию убийства. У него большое самолюбие? Он не любит, когда ему приказывают? Его приводит в бешенство само слово «Москва»?

– Я допущу вас к работе только в том случае, если будет письменное указание из Главного управления уголовного розыска МВД России, – четко ответил он. – Я подчиняюсь только им. Руководство Управления внутренних дел столицы ко мне никакого отношения не имеет, мы с ними равны по рангу, и они могут только просить меня.

– Но если они попросят? – настаивал я.

– Это будет зависеть от ситуации. Обычно я такие просьбы не выполняю. Ваши коллеги только путаются под ногами и вносят сумятицу в нашу работу. Если в министерстве принимается решение о создании следственно-оперативной группы совместно с ГУВД Москвы, тогда другое дело. Будет решение – будем разговаривать. Я вас больше не задерживаю, господин Стасов.

Так. Из начальственного кабинета меня выперли, причем даже не очень вежливо. Но я не обидчивый. Вернее, обидчивый, но привычный и умеющий не обращать внимания. Поэтому я не заплакал горячими слезами, но злобу затаил. Я поднялся на третий этаж, где все было как-то попроще: и дорожки на полу не было, и стены не обшиты деревом, как на втором этаже, а покрыты масляной краской, и двери не обиты дерматином. Прислушиваясь к голосам, доносящимся из-за дверей, я выбрал комнату, в которой, судя по шуму, народу было много.

– Извините, – робко сказал я, делая глупое лицо. – Меня вызывали в связи с убийством актрисы Доренко, а я забыл, в какую комнату.

– В тридцатую, – тут же ответили мне, и я тихонько ретировался.

Возле тридцатой комнаты сидела очередь, и я сообразил, что если здесь сидят те, кто занимается ночным убийством, то все эти люди вызваны для дачи объяснений. Занять очередь означало бы добраться до нужных мне сотрудников не раньше чем в конце дня. Объясняться же с этой очередью, рассказывая им, что я «свой» и «мне по делу надо», мне не хотелось. Можно было бы, конечно, просто войти в кабинет, никому ничего не объясняя, но была реальная опасность нарваться на такого же поборника суверенитета, с которым я только что общался в комнате 12. Врываться в чужой кабинет посреди допроса, требовать к себе внимания – так можно вылететь из родной милиции в пять секунд. Вылететь-то не жалко, но на мне камнем висел долг перед Игорем Литваком, и выполнить свою задачу я должен был во что бы то ни стало.

– Кто следующий? – спросил я нахальным уверенным тоном.

– Я, – откликнулась молоденькая девушка в бирюзовом сарафанчике, открывавшем крупные веснушки на молочно-белой груди.

– Я напишу записку, вы передайте сотрудникам.

Я достал из сумки с пляжными принадлежностями ручку и записную книжку, вырвал листок и нацарапал: «Стасов, МУР. Срочно».

– А кому отдать? – спросила веснушчатая, забирая у меня записку.

– Все равно. Кто есть в кабинете, тому и отдайте.

Минут через десять из кабинета вышел человек, взглянув на которого я помертвел. Это был Игорь Литвак, и лицо его было перекошено до полной неузнаваемости. Похоже, я опоздал. Но с другой стороны, я пришел как нельзя вовремя, потому что если меня прямо сейчас пригласят в заветный тридцатый кабинет, то я все успею объяснить, и тогда сыщики не будут задавать всем следующим посетителям вопросы, из которых те сделают вполне определенный вывод о имевшем место романе убитой актрисы с председателем кинематографического жюри.

Девушка вошла в дверь и почти сразу же вышла назад.

– Идите, – процедила она сквозь зубы.

Я ее понимал. Наверное, сидела здесь с раннего утра, а сейчас уже полдень. А тут какой-то хмырь без очереди лезет...

В комнате было жарко и накурено, как будто в ней дымила рота солдат, хотя за столом я увидел только одного симпатичного паренька. Вид у него был усталый, глаза – голодные, но волосы почему-то оказались идеально уложенными, как будто он только что причесался. Может, и вправду привел быстренько себя в порядок, прочитав записку. Если это так, то мне повезло: к МУРу у мальчика еще сохранилось некое подобие уважения.

– Добрый день, – вежливо поздоровался я. – Моя фамилия Стасов.

– Я понял, – кивнул паренек. – Какие у вас проблемы?

– Сугубо мужские. Меня зовут Владислав Николаевич.

– Сергей Лисицын, – представился он, пожимая руку.

На его ладони я почувствовал жесткие мозоли, выдававшие в нем постоянно тренирующегося спортсмена.

– Так вот, Сергей, я по поводу убийства Ольги Доренко. Только что из твоего кабинета вышел Игорь Аркадьевич Литвак. Тебе сказали, что он был любовником Ольги?

– Я не понял, Владислав Николаевич, какой у вас интерес.

– Я же тебе сказал, мужской.

– Официальный? Вы откомандированы к нам?

И этот туда же. Вот Крым отделился, а скоро и эти захотят собственную валюту ввести и границы установить. Республика Курорт. Все с ума посходили.

– Нет, интерес у меня неофициальный. – Я был терпелив, как опытная сиделка у постели тяжелобольного. – Я нахожусь здесь на отдыхе, а на кинофестивале работает моя жена, которая сообщила мне сегодня утром об убийстве Доренко. И я пришел к тебе, Сережа, как мужик к мужику, чтобы объяснить, что Игорь Аркадьевич никогда не был любовником Ольги, поэтому все твои подозрения в его адрес напрасны.

– Но если Литвак не был ее любовником, то почему вы решили, что мы его в связи с этим подозреваем? Откуда такие сведения?

– От моей жены. Ведь это она первая сказала вам о Литваке, верно? Первая и единственная.

Сергей молча открыл папку и стал листать бумаги. Я понял, что он ищет показания свидетельницы Стасовой. И пока он будет их искать, я успею состариться, а Лиля выйдет замуж и нарожает мне внуков. Но я не хотел его торопить. Мальчик был совсем молоденький и требовал к себе уважения.

– Фамилия вашей жены Стасова? – наконец спросил он, не отрывая глаз от лежавших в папке бумаг.

– Мезенцева. Маргарита Мезенцева.

– Ах вот как!

Черт возьми, ну чего Ритке не жилось с моей фамилией! Сменила ее на девичью сразу же после развода. Вот теперь и объясняйся с каждым встречным.

Он нашел нужный документ и бегло его просмотрел, потом едва заметно улыбнулся.

– Забавно получается. Первые свидетели в один голос утверждали, что ваша жена давно ревновала вас к убитой. А она, словно оправдываясь, подбрасывает нам Литвака. Литвак же, в свою очередь, категорически все отрицает. И как вы это объясните, Владислав Николаевич?

Я рассказал ему про наш с Ольгой обман и про девственно-чистую репутацию Игоря. Сергей слушал с интересом, весело хмыкал и кивал головой. Но в конце моего покаянного повествования вдруг посерьезнел.

– Почему я должен вам верить? Может быть, вы – друг Литвака и говорите сейчас неправду, чтобы выгородить его.

– Может быть, – сердито откликнулся я. – Попробуйте опросить всех участников фестиваля, и если хоть одна живая душа заикнется о романе Ольги и Игоря – можете плюнуть мне в лицо. Потому что этого романа не было, это плод нашей фантазии. Вам назовут с десяток любовников и поклонников Ольги, но среди этих имен не будет имени Литвака, это я вам гарантирую.

От злости я даже не заметил, как стал обращаться к нему на «вы». Внезапно Сергей улыбнулся открыто и весело, хотя глаза его по-прежнему были голодными и какими-то грустными.

– Хорошо, что вы пришли, Владислав Николаевич, а то я уже совсем замучился. Работаю первый год, опыта мало, а тут такое... Звезда, претендентка на первую премию.

Он умолк и поглядел куда-то за окно. Я проследил за его взглядом и не увидел ничего интересного, кроме розового фасада большого здания, напоминавшего обком партии.

– Владислав Николаевич, мне сложно говорить... Одним словом, наше начальство залетных помощников не жалует. Я бы хотел спросить вашего совета, тем более что вы хорошо знали Доренко и ее окружение, но мне за это голову снимут. Советчик у нас один.

– Это который в двенадцатой комнате сидит? – догадался я.

– Он самый, – усмехнулся Сергей.

– И какой же выход? Сделать вид, что я сюда не приходил и ты меня не знаешь?

– Нет. Я включаю вас в список свидетелей и на этом основании могу общаться с вами сколько угодно. Только для этого вам придется хотя бы иногда приходить сюда. Вы располагаете ценной информацией...

– Нет, Сережа, этот фокус у тебя не пройдет. Твое начальство меня видело и весьма нелюбезно выставило вон. Если ты попробуешь выдать меня за свидетеля, завтра же я окажусь в двенадцатом кабинете, и допрашивать меня будет его хозяин, а не ты. И вообще, с чего ты взял, что я собираюсь тебе помогать, а? Я, между прочим, в отпуске.

Лицо его вмиг осунулось и окаменело. Конечно, я был груб, но после странного разговора с его начальником у меня не было оснований для благодушия.

– Если вы сюда пришли, чтобы рассказать о Литваке, значит, вы хотели помочь нам, чтобы мы не тратили напрасно силы и время на эту версию.

– Я хотел помочь не вам, а Игорю. У него очень ревнивая жена, которой он ни разу в жизни не изменял. Если будет скандал, ему вовек не отмыться, ты это понимаешь? Можно всю жизнь ему искалечить, и его жене, кстати, тоже, не говоря уже о детях.

– Значит, я не могу на вас рассчитывать?

Он смотрел на меня, как смотрят больные щенки, выброшенные на улицу безжалостными хозяевами. И я вдруг подумал о том, что он всю ночь не спал, что таких преступлений, как убийство кинозвезды Ольги Доренко, в его небогатой практике еще не было, что он безумно боится «провалить» работу и наплевать ему в этом случае на самолюбие. Ему действительно нужна помощь. Проведя полночи в компании полупьяных киношников, он, наверное, пришел в ужас от того количества сплетен, домыслов, грязи и откровенной злобы, которое вылилось на него. Кино – это свой мир, и, чтобы разобраться в связывающих людей взаимоотношениях, нужно покрутиться в этом мире не один год. И я дрогнул.

– Сколько человек работает по этому делу?

– Все, кто свободен и есть в наличии. Но у нас завал, на все времени не хватает, поэтому работать будут все понемногу.

– Основные есть? Или у вас дитя без глазу окажется?

– Боюсь, что окажется. Но основных – трое.

– Кто еще, кроме тебя?

– Паша Яковчик и Валентин Иванович Кузьмин. Они сейчас в гостинице людей опрашивают.

– Паша, стало быть, молодой, а Кузьмин – постарше? – хмыкнул я.

– Валентин Иванович мой наставник, – вздохнул Сергей. – У него стаж больше двадцати пяти лет.

– А чего вздыхаешь так тяжело? Не помогает наставник, что ли?

Он посмотрел на меня своими щенячьими глазами, и мне захотелось погладить его по голове и почесать за ухом.

– Пьет он. Ему уже ни до чего дела нет.

– Так, понятно. С наставником мы кашу не сварим. А Паша? Он что за человек?

– Паша хороший парень, но у него контракт кончается. Он, когда в школу милиции поступал, подписал контракт на пять лет. После окончания школы уже четыре с лишним года прошло. Он уж и место себе присмотрел, начальником службы безопасности какого-то банка уходит. Тоже за лаврами не гонится.

– А ты, выходит, гонишься?

– Я для коммерции не гожусь. Буду здесь работать, пока не выгонят.

Да, парень, не повезло тебе, подумал я сочувственно. Из двоих напарников один – престарелый алкаш, другой равнодушно дослуживает оставшиеся месяцы. За нераскрытое убийство их из органов не уволят, а благодарности в приказе им не нужны. Короче, задницу рвать на этом убийстве придется только тебе одному.

– А что у нас со следователем? – поинтересовался я.

– Нормальный мужик, – как-то неопределенно ответил Лисицын. – Я его мало знаю.

Я посмотрел на часы. Лиля сидит на скамейке в ожидании нерадивого папаши уже час. Я, конечно, могу дать руку на отсечение, что она никуда с этой скамейки не сдвинется и с чужим дядей не уйдет, она у меня вышколена в этом отношении. Но совесть-то родительскую надо иметь!

– Значит, так, Сергей Лисицын, – сказал я, вставая. – Первомайская, дом восемь. До десяти утра и после шести вечера. Нужен будет совет – приходи.

Лиля, как и ожидалось, сидела неподвижно, уткнувшись в книжку. Даже издали было видно, что это совершенно не «Мумми-троль», ну просто ничего общего. Но и не Барбара Картленд, которую я узнавал с любого расстояния по карманному формату и красно-желто-зеленому оформлению обложки. Книжка, которую держала в руках Лиля, была обычного формата, очень толстая. Подойдя ближе, я прочитал название «Украденные сны» и разглядел рисунок, на котором была изображена стройная блондинка с сигаретой в руках. Очередное любовное чтиво.

– Что читаешь? – спросил я, усаживаясь рядом и забирая у нее из рук книгу. – Опять какие-то страсти? Откуда деньги на такую книжку?

– У меня еще со вчера осталось, я не все потратила, – ответила Лиля, пряча глаза.

Значит, ни вчера, ни позавчера, ни три дня назад она не покупала мороженое, деньги на которое исправно просила дважды в день. Ах, хитрюга! Уходила, зажав в маленьком кулачке пяти тысячную бумажку, а через пятнадцать минут возвращалась и говорила, что было вкусно. Куда же она их прятала? Наверное, в книжки, с которыми не расставалась ни на минуту, даже когда ходила «за мороженым». «Я посижу на лавочке, почитаю и съем мороженое, – говорила она мне. – А то пока я его сюда донесу, оно растает». В этом был резон, и мне, старому сыщику, и в голову не могло прийти, что меня легко и изящно дулит собственная восьмилетняя дочь.

Я осмотрел толстую голубую книгу и заметил сзади написанную шариковой ручкой цену «15.000». В конце концов, три порции мороженого, которые можно было купить за 15 тысяч рублей, приносили удовольствия ровно на тридцать минут, а пятисотстраничную любовную историю девочка будет смаковать по меньшей мере дня три. Стоит того. Надо только проверить, нет ли там какой-нибудь порнухи.

Я открыл страницу с рекламной аннотацией и страшно удивился.

– Лиля, но это же детектив! Это не любовный роман.

- Я знаю, папа, – виновато ответила она. – Мне стало интересно.
- Тебе еще рано читать детективы, – авторитетно заявил я. – Ты ничего здесь не поймешь.
- Неправда, я прочитала уже двадцать страниц и все поняла. Можешь проверить. Хочешь, расскажу, про что там написано?
- Не хочу, – буркнул я. – Мне на работе детективов хватает. Пойдем обедать.

Глава 2

Когда к шести часам Рита на пляже не появилась, я понял, что ее что-то задержало и ждать дольше смысла нет.

– Собирайся, котенок, – сказал я Лиле, натягивая джинсы и складывая в большую сумку наши пожитки.

– А мама? – спросила она, поднимая голову от толстых «Украденных снов». Ее большие темно-серые глаза смотрели обиженно и недоумевающе.

– Лилечка, ты же слышала, что мама рассказывала утром. У них в гостинице произошло убийство, и теперь там работает милиция. Может быть, маму попросили куда-то отлучаться.

– Ее что, подозревают?

Так. Ребенок в первый раз в жизни взял в руки детектив, и вот вам, пожалуйста.

– Нет, солнышко, но мама хорошо знала ту тетеньку, которую убили, и ее, наверное, просят рассказать о ней поподробнее.

Лилия молча кивнула и стала одеваться. По-видимому, мое объяснение ее вполне удовлетворило.

По дороге к дому на Первомайской улице мы зашли в магазин купить что-нибудь на ужин. Наши хозяева разрешали пользоваться кухней, что означало, что можно брать две тарелки, две вилки, нож, кастрюлю или сковородку, включать газ на плите и открывать водопроводный кран. Хранить же купленные продукты было негде, потому что холодильник, как это часто бывает в семьях, где принято сдавать комнаты и углы, стоял в хозяйской горнице. О том, чтобы заходить туда, и помыслить было нельзя. Поэтому продукты, которые нужно хранить в холоде, мы покупали в микроскопических дозах, то есть ровно столько, сколько можно было немедленно съесть.

– Что возьмем? – демократично спросил я Лилию. – Сосиски куриные, копченые или голландские?

– Копченые, – не раздумывая откликнулась она, с воодушевлением впиваясь глазами в витрину с разнообразными колбасами.

– А на гарнир? Сварим картошку или макароны? Или хочешь, купим пакет гречки, она быстро варится.

– Все равно, пап, что хочешь.

Я хотел картофель фри с хрустящей золотистой корочкой и квашеной капусты. Но все равно выбирать приходилось между вареной картошкой, макаронами и гречкой, а Лилия была мне в этом трудном деле не советчица. Когда мой ребенок видел сырокопченую колбасу, мир переставал для нее существовать. Можно было в этот момент добиться от нее согласия на любую экзекуцию вплоть до глотания желудочного зонда, можно было даже вырвать у нее обещание не читать лежа и за едой. Не знаю, почему Рита ограничивала девочку в том, что она любила больше всего на свете (после книжек, конечно), я лично никакого вреда здоровью от колбасы не вижу. Но Рита – это Рита, она не устаивает окружающих объяснениями своих поступков и оценок. Ребенку это вредно – и все. Поэтому все, в чем я не согласен с матерью Лили, я делаю по-своему, но тайком. Плохо только, что к этим «тайным» действиям приобщается и сама Лилия.

Купив пять копченых сосисок, пачку сметаны и попросив нарезать тоненькими ломтиками колбасы «Преображенская», мы вышли из магазина и поплелись на маленький базарчик, где выбрали восемь средних картофелин, три помидора, четыре огурца и одну луковицу. Продавцы морщились и ворчали, им было неудобно взвешивать такие смешные порции овощей, но я стоял с каменным лицом, делая вид, что все это ко мне не относится. Пусть хоть изворчатся все, но я буду покупать ровно столько продуктов, сколько нужно для ужина, иначе на этой

чудовищной жаре да без холодильника все протухнет. Более того, неиспользованные продукты придется держать в нашей комнате, и утром над ними уже будет виться стайка омерзительных мелких мушек. Нет уж, увольте.

Сегодня мне не повезло, на кухне кроме хозяйки, Веры Ильиничны, толклись две девушки из Петербурга, которые тоже снимали комнату. Мое появление было воспринято без восторга, в кухне было все-таки тесновато. Ну что ж, можно поужинать и попозже, решил я, быстро ретируясь и поднимаясь по лестнице в свою каморку.

– Ты очень голодная? – заботливо спросил я Лию, которая уже улеглась на кровать и уткнулась в свои «Сны».

– Нет еще, – машинально ответила она, не поворачивая головы.

Дом у стариков Вишняковых был очень маленький, но двухэтажный. На первом этаже были две хозяйские комнаты, на втором – две другие, которые в летнее время сдавались по безбожной цене. Хозяйские «покои» были гораздо более просторными, потому что занимали всю площадь, отведенную под дом, в то время как на втором этаже жилые помещения опоясывались чем-то средним между галереей, верандой и балконом. Я понял, что дом строился в те времена, когда курортники могли селиться только в частном секторе, гостиницы были им недоступны, а ехать они тоже могли только сюда, на Черноморское побережье, ибо никаких курортов Турции, Греции, Испании и Италии тогда и в помине не было. Спрос был на каждый квадратный метр, на котором стояла койка. Делить площадь верхнего этажа на три или четыре комнаты оказалось невыгодным, потому что каморки получались крохотными, а в каждую из них нужно было поставить как минимум две кровати, стол, тумбочку и пару стульев. Чтобы не тратиться на мебель, они сделали две комнаты, обставленные точно так же скудно, а для желающих ставили раскладушки на галерее. И пусть там не было никакой другой мебели, бледно-листые изможденные горожане бывали счастливы, что есть хотя бы раскладушка и постель, все равно они целый день проводили на море.

Переживая наплыв народа на кухне, я вынес стул на эту увитую диким виноградом галерею, уселся, закинув ноги на перила, с наслаждением закурил и погрузился в грустные мысли об убитой Оле Доренко. Мысли из грустных очень скоро превратились в неприятные, ибо в них стало закрадываться подозрение, уж не Маргарита ли Мезенцева тут замешана. Конечно, она уже не должна была ревновать: во-первых, история с Литваком ее вполне успокоила, а во-вторых, мы все-таки были в разводе. Но Рита при всех своих недостатках простушкой никогда не была. Она могла узнать о том, что роман с Гариком – чистейшей воды вранье, а раз вранье, значит, мы с Ольгой хотели скрыть от нее правду. И правда эта очень даже могла Рите не понравиться. Тем более что она действительно ездила на всякие курортные фестивали каждый год и каждый год просила меня взять Лию и приехать, а я всегда отказывался. В этом году я сделал так, как она просила, только лишь потому, что выслужил свои законные двадцать лет и собрался увольняться на пенсию, в связи с чем мне предоставили возможность отгулять отпуск не только за текущий год, но и все остатки прежних лет. Сразу же по возвращении в Москву я должен буду пройти медкомиссию, после чего получу свои пенсионные бумажки и стану свободным, как нищий бродяга. Но мои резоны Рите могли не показаться убедительными. Узнав об обмане, она могла решить, что я по-прежнему кручу с Олей, что сюда приехал исключительно из-за нее, и прошлая, угасшая было ревность могла вспыхнуть с новой силой. Более того, при таких обстоятельствах она могла подумать, что и развелся я с ней тоже из-за Оли. Совершить убийство, свалить подозрения на ничего не подозревающего безвинного Игоря Литвака, при этом искать утешения и поддержки у бывшего мужа, который сам работает в уголовном розыске и в обиду ее не даст... Коварно, подло, но вполне в духе Маргариты Мезенцевой.

– Владик, почему вы ушли? – раздался снизу голосок одной из девушек-квартиранток.

Я глянул вниз и увидел черненькую симпатичную Иру, которая с самого первого дня строила мне глазки и пыталась подружиться с Лилей.

– Не хочу наступать вам на пятки, – ответил я. – Подожду, пока вы закончите, я не тороплюсь.

– Но ведь ребенок голодный, – возмущенно произнесла Ирочка. – Спускайтесь, Владик, мы с Татьяной уже все сделали и освобождаем вам территорию.

Я взял из комнаты пластиковые сумки с продуктами и спустился в пристройку, где была устроена кухня.

– Владик, присоединяйтесь к нам, – гостеприимно предложила Ира, расставляя на большом столе под навесом тарелки с аппетитно пахнущей едой.

Я всегда восхищался умением женщин приготовить в походных условиях и при отсутствии холодильника самые экзотические блюда. Ирочка, похоже, была девицей домовитой, если так старалась не для любимого мужа, а для себя самой.

Ее подруга Татьяна была полной противоположностью черноволосой смуглой Ирочке. Дебелая блондинка, телеса которой вываливались из купальника, как квашня из кадки, она не только не пыталась строить мне глазки, но, казалось, вообще меня не замечала. Зато она очень дружила с Лилей. Самое странное заключалось в том, что Лиля сама тянулась к ней, и белокожая девица вела с ней по вечерам какие-то долгие беседы. При этом складывалось впечатление, что Таня принимает девочку за круглую сироту, потому что она ни разу не сделала ничего такого, из чего можно было бы понять, что она знает: у Лили есть отец, более того, этот отец спит в соседней комнате, за стенкой, каждое утро здоровается, кипятит в кухне воду для кофе, и вообще, вот он, собственной персоной, метр девяносто, волосы темно-русые, глаза зеленые. Ирочка стреляла в меня глазками так выразительно, что я не верил, чтобы она не обсуждала меня со своей подругой. И тем не менее...

От приглашения разделить трапезу я вежливо отказался, почистил свои восемь картофелин, поставил кастрюлю на огонь, бросив туда изрядный кусок сливочного масла, чтобы быстрее сварилась, и принялся за приготовление салата из помидоров, лука, огурцов и сметаны. В глубине души я надеялся, что к тому времени, как поспеет мой ужин, девушки уже поедят и освободят мне стол. Стол был огромным, за ним свободно умещались не меньше десяти человек. Такие столы под навесами стоят в каждом южном дворе, по вечерам за ними собираются большие семьи хозяев, иногда в посиделках принимают участие и курортники-отдыхающие. Места хватает всем, и дело не в том, что я боялся тесноты за столом. Я просто не хотел вступать с девушками в неформальные отношения, да и настроение было не такое, чтобы заниматься пустой болтовней с малознакомыми людьми.

Мои надежды не оправдались. Ужин был готов, а Ира с Татьяной продолжали сидеть за столом, лениво ковыряясь вилками в тарелках и ведя неспешную беседу. Выхода не было, пришлось присоединяться.

Татьяна по-прежнему меня не видела, но когда пришла Лиля, между ними тут же вспыхнул оживленный разговор, и я подумал, что если уж не удалось поесть в покое и одиночестве, то я хотя бы узнаю, что может быть общего у этих двух существ женского пола.

– Я сегодня начала новую книжку, – сообщила Лиля, ловко орудуя ножом и вилкой и лихо расправляясь с парой копченых сосисок. – Называется «Украденные сны».

Атмосфера за столом резко изменилась. Лица девушек напряглись, словно они набрали полный рот воды и боятся сделать малейшее движение, чтобы вода не брызнула из губ.

– И как тебе? Нравится? – каким-то странным голосом спросила Ирочка, положив вилку на стол.

– Класс! – восторженно произнесла моя дочь с набитым ртом. – Все, как в жизни.

– Что – как в жизни? – переспросила Ирочка еще более странным голосом.

Я насторожился, потому что никак не мог понять, что особенного увидели петербургские девицы в том, что Лиля читает детективный роман.

– Там главная героиня приехала в отпуск в санаторий, а в санатории произошло убийство, и вот героиня, а она в милиции работает, предлагает местной милиции свою помощь, а они от нее отказались, и она обиделась.

– Кто обиделась, милиция или помощь? – поддел я, подумав, что надо будет в свободное время потренировать Лилю в части изложения прочитанного, чтобы не забывала об именах собственных и существительных и не пользовалась бесконечными «она», «он», «этот».

– Героиня обиделась, – деловито пояснила Лиля, не замечая моего сарказма. – А тут ее мафия собралась нанять, а дальше я еще не прочитала.

Девушки хохотали как безумные. Татьяна еще как-то держала себя в руках, а Ира сползла со скамейки на землю, уткнулась лицом в колени и тряслась, издавая какие-то сдавленные всхлипы. Я молча пережидал взрыв непонятного веселья.

Наконец девушки успокоились, Татьяна вытерла платочком слезы, Ира снова села на скамейку.

– Простите, Владик, – сказала она, с трудом переводя дыхание. – Вам, наверное, кажется, что мы – идиотки. Дело в том, что книгу «Украденные сны» написала Таня.

– Что?!

От изумления я дернул рукой, и кусок замечательной копченой сосиски соскочил с вилки и упал на землю. Тут же под стол метнулся жирный хозяйский кот, который до сих пор терпеливо сидел рядом и с укоризной глядел на уставленный едой стол, ожидая, когда же хоть в ком-нибудь из гостей проснется сознательность.

– Да-да, Владик, Танечка пишет книжки, и их, между прочим, охотно публикуют. У нас в Питере она очень известна. Татьяна Томилина.

Я ошеломленно молчал. Эта толстая корова с пороссячьими глазками – известная писательница, автор детективных романов? Сколько же ей лет? Двадцать пять? Тридцать? Ну уж точно, не больше.

Но Лиля в очередной раз выступила с блеском. Дети никогда ничему не удивляются, потому что их жизненный опыт еще настолько мал, что они просто не знают, что может быть, а чего быть не может, что бывает, а чего не бывает. Я в свои тридцать восемь был твердо убежден, что, во-первых, писательница, которая пишет детективы, не может выглядеть так, как Татьяна, и во-вторых, что писатели, у которых выходят такие толстые книжки, не снимают в частном секторе жалкие углы, в которых нет ни санузла, ни горячей воды. Но Лиля, конечно, такого рода убеждений иметь не могла, потому и верила всему и сразу. Поэтому ее следующая реплика не содержала в себе ни грамма удивления, а была деловой и обыденной.

– Тетя Таня, только вы мне не рассказывайте, чем кончится, а то мне неинтересно будет.

Ирочку сотряс новый приступ хохота, Татьяна же на этот раз только скупой улыбнулась и виновато поглядела на меня. Внезапно я похолодел. Что имел в виду мой ребенок, когда сказал, что в романе «все как в жизни»? Героиня приехала в отпуск, в санатории произошло убийство, она предложила свои услуги милиции, ей отказали. Я тоже приехал в отпуск, и в среде моих знакомых совершено убийство, и я тоже ходил в милицию, правда, не услуги предлагать, но все-таки. И меня тоже выгнали, хотя и не из всех кабинетов... Господи, но как же Лиля-то могла уловить это сходство? Или она имела в виду что-то другое? Надо будет прочитать эти «Украденные сны».

– Лиля, а ты знала, что тетя Таня пишет книги? – подозрительно спросил я.

– Конечно, – кивнула она, засовывая в рот очередной кусочек колбасы. – С самого первого дня. Тетя Таня сейчас пишет новую повесть, у нее там есть мальчик моего возраста, и она меня все время спрашивает, что в школе проходят, в какие игры играют.

– Почему же ты мне ничего не рассказывала? – упрекнул я ее.

– А ты про это не спрашивал.

Так. Получай, Стасов, все, что тебе причитается за родительское разгильдяйство. Запомни, наконец, что твой ребенок по собственной инициативе ничего не рассказывает, что обо всем надо расспрашивать подробно и дотошно. – У вас чудесная дочка, – произнесла Татьяна свои первые слова, и я удивился тому, какой приятный у нее оказался голос – низкий, звучный, без малейших признаков хрипотцы, как бывает у курильщиков. – Она мне очень помогает. У меня, видите ли, своих детей нет, поэтому я не очень-то разбираюсь в жизни младших школьников. А Лиля рассказывает мне много интересного.

– Было бы неплохо, если бы она и мне рассказывала побольше интересного, – буркнул я, сознавая в душе свою грубость и бестактность и не имея ни малейшего желания притворяться.

– Приятного аппетита! – раздался чей-то голос со стороны калитки.

Я повернул голову и увидел Сергея Лисицына, входившего во двор. Ирочка окинула гостя все схватывающим взглядом и очаровательно улыбнулась. Видимо, спортивность фигуры и хорошая стрижка не укрылись от ее зоркого ока, хотя уже стемнело, а свет под навесом хозяева еще не включали.

– Садитесь, – пригласила она Сергея. – Будете с нами ужинать?

Интересно, чьим ужином она собралась потчевать моего гостя? Своим кулинарным шедевром или моей жалкой картошкой с сосисками?

Но Сергей деликатно отказался от еды, сказав, что чаю выпьет с удовольствием. Я, признаться, несколько растерялся. Он что же, собирается сидеть тут в обществе девиц? Или он намерен обсуждать убийство Оли Доренко в их присутствии? Станный малый.

Пришлось брать инициативу на себя.

– Ты поела? – строго спросил я Лилу.

– Да, спасибо, папа, – вежливо ответила она.

– Тогда марш наверх, дочитывай свои «Украденные сны».

– А тетя Таня? Я ей обещала рассказать про игру в подземелье.

– Пойдем, Лилечка, – пришла мне на помощь Татьяна. – Им наши с тобой разговоры неинтересны, а нам с тобой публика не нужна, верно?

Она тяжело поднялась со скамьи и протянула Лиле пухлую руку, за которую та тут же уцепилась, вызвав во мне болезненный укол отцовской ревности. Полдела сделано, осталось избавиться от Ирочки, которая явно не собиралась никуда уходить. Да куда же уходить-то, когда за столом сидят два вполне годящихся для флирта мужика, один – помоложе, другой – постарше, один – русский, другой – брюнет, одним словом, выбор на любой вкус, как на ярмарке в Коньково.

– Вы откуда? – обратилась девушка к Сергею, приняв его, очевидно, за отдыхающего.

– Я здешний. А вы откуда приехали?

– Из Питера. Вам чай крепкий налить?

– Средний.

– Сахар?

– Спасибо, я сам.

Лисицын медленно помешивал ложечкой в стакане, а я судорожно пытался придумать, как бы повежливее отделаться от черноволосой кокетки.

– Ира! – внезапно раздался голос из глубины сада. – Иди сюда на минутку.

Ирочка обворожительно улыбнулась Сергею и вскочила.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она и пошла в сад, при этом бедра ее, обтянутые короткими джинсовыми шортиками, покачивались весьма и весьма многообещающе.

– Ты поговорить пришел или чаю попить? – раздраженно спросил я.

– Поговорить, – ответил он, делая большой глоток из стакана. – Они что, не знают, кто вы такой?

– Да я вообще в первый раз с ними разговариваю за одним столом. Пошли отсюда в темпе, пока Ира не вернулась.

– А она хорошенькая, – задумчиво заметил Сергей, вставая из-за стола.

Мы быстро вышли из калитки и начали прогуливаться взад и вперед по длинной темной улице.

Сергей мне поведал, что среди участников фестиваля находятся по меньшей мере четыре бывших любовника Ольги и один, так сказать, действующий. Версия убийства по любовно-ревностным мотивам стояла, таким образом, на первом месте. На втором же оказалась версия убийства из корыстных побуждений.

– Видите ли, Владислав Николаевич, вокруг призов идет самая настоящая мышиная возня. Это раньше первое место было только первым местом и ничего, кроме славы и почета, не давало. А теперь призы вручаются конкурсантам в толстых конвертах, набитых твердой валютой. У этого фестиваля очень богатые спонсоры, поэтому призы большие. Лучшая женская роль оценивается, например, в пятьдесят тысяч долларов. В этой номинации представлены шесть актрис, Доренко была самым реальным претендентом, ну а при ее отсутствии приз будет вручен другой актрисе. Понимаете? Фокус в том, что если в конкурсе участвует фильм, весь фильм целиком, как таковой, то при отсутствии режиссера приз может получить сценарист, продюсер, оператор, любой из актеров, кто угодно, понимаете? Лишь бы это был представитель съемочной группы данного фильма. А на этом фестивале в конкурсе участвуют не фильмы целиком, а конкретные люди, которые получают свои призы за лучшую режиссуру, лучшую роль первого и второго плана, за операторскую работу, за музыку. Нет того, кто, по мнению жюри, должен получить приз? Получит следующий в списке.

– И кто следующий в списке актрис после Доренко?

– Людмила Довжук. Та, которая жила с Доренко в одном номере.

– Та, которая ее и нашла?

– Вот именно, Владислав Николаевич. Никто не обратил бы внимания на то, что Довжук идет по шестнадцатому этажу, потому что она там живет. И никто не удивится, увидев, что она входит в собственный номер. А вы с ней знакомы?

– Шапочно. Я мало что о ней знаю.

– Жаль, – огорчился Сергей. – Понимаете, мне сегодня сказали, что около этой Довжук постоянно крутятся какие-то темные личности. Я подумал, вы мне что-то подскажете в этом направлении.

Подсказать я, к сожалению, не мог ничего, но слухи о Люсиной неразборчивости в связях долетали и до меня, в основном, конечно, через Риту, которая обожала позлословить. Но и по служебной линии информация просачивалась. Например, год назад мы задерживали одного шантажиста-вымогателя как раз в тот момент, когда он вместе с Люсей выходил из ресторана. А несколько месяцев назад хозяин разгромленного нами притона с обидой заявил, что его травка всегда была самой чистой и приличные люди не гнушались у него отовариваться. Перечень этих «приличных» людей включал и Люсю Довжук. Если окажется, что она – наркоманка, то деньги, особенно такие большие, как пятьдесят тысяч долларов, ей были бы весьма кстати. Наркоманы и за меньшее убивают.

– А где нож, которым убили Ольгу? – спросил я.

– На экспертизу отправили. Но ручка протерта, ничьих пальцев там нет.

– Еще вопрос. Каков режим входа в гостиницу?

– Да никакого режима там нет. Стоит швейцар, стоят ребята из службы безопасности, а толку-то? Практически у каждого участника фестиваля сейчас здесь отдыхает кто-нибудь из знакомых или родственников. Конечно, они их приводят на киношные посиделки. Проститутки приводят, это само собой. У гостиницы один центральный вход, с площади, и несколько боковых, которые выходят в парк. Народ из ресторана постоянно туда и обратно шастает. Разве

охранник может запомнить, кто выходил и входил? Идет себе парочка, обнимается, в руках бокалы держат, словно только что из ресторана пообжиматься выходили, а теперь возвращаются.

– Стало быть, убийца мог быть и не из числа проживающих, – уныло уточнил я. – Швах дело, Серега. Не вытянем мы его. Тут другие силы нужны, не наши с тобой.

Сергей остановился и упрямо наклонил голову.

– Я сдаваться раньше времени не привык.

– Спортсмен? – усмехнулся я.

– А что? Жизнь в спорте сильно укрепляет веру в чудо. Если ты плохой писатель, то на конкурсе литературных произведений твоя повесть никогда не займет первое место, если в конкурсе участвуют хорошие писатели, а жюри честно и неподкупно. А если ты плохой спортсмен, то может случиться чудо – и ты станешь первым на соревновании, потому что один твой соперник сломает ногу, другого дисквалифицируют за допинг, у третьего схватит живот в самый ответственный момент. Другое дело, что рекорд ты не поставишь, но первым будешь. Вы вспомните, как Карпов стал чемпионом мира.

– И тебя устроила бы такая победа? – Я не смог скрыть разочарования.

– Нет, конечно. – Он улыбнулся. – Но тут есть другой момент. Вы слышали, сколько говорят о непознанных и неиспользованных резервах человеческого организма? О том, что человек в минуту смертельной опасности может проявлять такую физическую мощь, которую невозможно себе представить? Поднимает огромные тяжести, бежит с невероятной скоростью, прыгает на большую дистанцию. И каждый раз, выходя на площадку, надеешься, что случится чудо и включится этот неведомый механизм, освободит дремлющие в тебе резервы. А вы в чудеса не верите?

– Нет, Сережа, не верю. Я старый усталый циник, который верит только в собственный опыт. И опыт этот мне подсказывает, что убийство Доренко раскрыть можно, но для этого нужно человек десять крепких оперов здесь и столько же в Москве. Реально это?

– Нереально, – вздохнул Лисицын. – Значит, вы отступаете?

– Слушай, парень, – рассердился я. – Ты меня не впутывай в это дело. Мы как с тобой договорились? Если тебе нужен совет, ты приходишь ко мне и спрашиваешь, а я рассказываю тебе все, что знаю. А работать по делу вместе с тобой я не подписывался. Мне разборки с твоим начальником ни к чему, своих хватает.

– Чего, начальников?

– И разборок тоже. Повтори-ка мне еще раз, что делала Ольга вчера вечером.

– В 21.00 началась пресс-конференция по фильму «Армейская жена», Доренко опоздала на двадцать минут, потом всю пресс-конференцию просидела на сцене вместе со съемочной группой, отвечала на вопросы журналистов. После пресс-конференции все пошли в ресторан, это было в 22.30. Доренко была за столиком с Виктором Бабаяном. К ним то и дело подсаживались разные люди, но Бабаян был постоянно. Ольга много пила, несколько раз выходила в сад подышать воздухом, то с Виктором, то одна. После очередной такой отлучки она не вернулась за столик, но Бабаян не хватился ее, потому что тоже к тому времени изрядно набрался и пару раз выходил в сад с какой-то цыпочкой. Цыпочку эту мы пока не нашли, потому что даже сам Бабаян ее плохо помнит. Вот, собственно, и все.

– А что рассказывает Бабаян? О чем они разговаривали за столом?

– Ничего интересного припомнить не может. Говорили о том, кто из членов жюри берет взятки, кто с кем спит, насколько велик шанс получить премию. Обычные разговоры.

Кое-что показалось мне любопытным в этом рассказе. Ольга опоздала на пресс-конференцию на двадцать минут. На это мог не обратить внимания только тот, кто совсем ее не знал. Да, Оля подчас бывала крайне легкомысленна, да, она не умела обращаться со своими любовниками так, чтобы они не сбегали от нее, но во всем, что касалось дела, профессиональных

обязанностей, она была чрезвычайно аккуратна и обязательна. Никогда никуда не опаздывала и даже, по-моему, никогда внезапно не заболела. Режиссеры любили с ней работать, потому что Оля Доренко была надежна, как каменная скала, у нее не бывало нервных срывов и истерик на съемочной площадке, она не забывала текст и ни на что не жаловалась. Почему же она вчера опоздала? Да еще на целых двадцать минут...

– Поговори с Людмилой Довжук. Выясни по минутам, чем вчера занималась Доренко, куда ходила, с кем разговаривала. Она не могла опоздать просто так, ни с того ни с сего. Если окажется, что тянешь пустышку, убьешь другого зайца – завяжешь знакомство с Люсей. Тогда она не будет нервничать, если ты начнешь ковыряться в ее связях с темными личностями. Только имей в виду, Люся обожает стройных brunetов, вроде тебя, и имеет неприятную привычку ловить на слове и вцепляться в глотку. Не вздумай дать ей понять, что она тебе нравится, даже из чистой вежливости, иначе сам не заметишь, как окажешься в койке у Довжук, и не будешь знать потом, как оттуда вылезти. Наша Людмила – дамочка цепкая.

– Спасибо, Владислав Николаевич. А скажите, у председателя жюри могут быть мотивы убрать ведущую актрису, претендентку на первый приз за лучшую женскую роль?

– Опять-обратно-снова! Да ты что, Серега, не понял, о чем я тебе сегодня рассказывал? Председатель жюри Игорь Аркадьевич Литвак не имеет к Ольге ни малейшего отношения. Не было между ними ничего, понимаешь ты это? Или ты мне не веришь?

– Верю, Владислав Николаевич, но я имел в виду другое. Меня интересует не Литвак – любовник Доренко, а Литвак – председатель жюри. Может здесь быть какой-то интерес?

– Мне не совсем понятен твой вопрос, Сережа. Чего ты темнишь? Что-то узнал?

– Мне стало известно, что Литваку предлагали очень большую взятку за то, чтобы Ольга не получила эту премию.

– Интересное кино, – протянул я, невольно останавливаясь. – А кто, если не Ольга? За кого платили такие большие деньги?

– В том-то и дело... Неизвестно. И вот о чем я подумал. Предположим, Литвак согласился эти деньги взять. Но с остальными членами жюри он ничего сделать не смог. То есть, может быть, кого-то ему удалось убедить, кого-то – нет, но расстановка сил была явно в пользу Доренко. А денег-то хочется! Вот он и убивает Ольгу или нанимает кого-нибудь ее убить. Может такое быть?

Его рассуждения мне понравились, они были стройными и какими-то незашоренными, нестандартными. Сразу было видно, что мальчик в детстве много читал. Но подумать так про Игоря... В голове не укладывалось. Я почему-то был твердо убежден, что о порядочности и принципиальности любого мужика можно судить по его отношениям с женщинами. И не мог поверить, что Игорь, к которому за двадцать лет не прилипла ни одна «романтическая» сплетня, мог взять взятку, да еще пойти из-за этого на убийство. Впрочем, тут напрашивалось и другое объяснение, которым во имя справедливости и объективности пренебречь я не мог. Если Игорь, как говорится, «не был замечен», это могло оказаться свидетельством того, что он чрезвычайно осторожен и предусмотрителен и умеет как следует хранить свои тайны. А коль так, то история, предложенная Лисицыным, вполне реальна. Только непонятно, каким образом при всей его осмотрительности и осторожности информация все-таки просочилась и дошла до Сергея. Что-то не вяжется. Хотя, конечно, утечка могла произойти не со стороны Игоря, а со стороны того, кто давал взятку. Поэтому вместо ответа на вопрос Сергея я задал ему встречный вопрос:

– От кого пришла информация?

– Владислав Николаевич...

– Понял, понял, не дурак. Меня интересует, на кого ссылался твой информатор. На самого Литвака или на кого-то другого?

– Нет, Литвака не упоминали. Было сказано примерно так: «К председателю жюри подкатывались насчет Доренко, чтобы не давал ей приз».

– Ладно, я подумаю, что тут можно сделать. Давай, Сережа, двигай к Люсе и потряси ее хорошенько насчет вчерашнего дня. Опроси всех, кого найдешь, но мы с тобой должны понять, почему Ольга опоздала на пресс-конференцию. И обязательно поговори с Бабаяном еще раз. Знаешь, люди, беседующие вечером, очень часто упоминают о том, что произошло в течение дня.

Мы дошли до калитки дома номер восемь. За большим столом под навесом сидели Вера Ильинична и ее муж Григорий Филиппович в обществе хохотушки Ирочки. Посреди стола красовался огромный разрезанный арбуз. Все трое сосредоточенно поедали красную сочную мякоть, не обращая внимания на роящихся над их головами мух. Ни Татьяны, ни Лили с ними не было. Интересно, о чем можно так долго болтать?

– А где ваш друг? – спросила Ирочка, когда я проходил мимо них.

– Пошел домой. Просил поблагодарить за чай.

– Он очень симпатичный.

– Я ему передам, – пообещал я, усмехаясь. Ирочка в своем репертуаре.

– Передайте, пожалуйста, не забудьте. Пусть заходит.

Лилю и Татьяну я нашел на галерее возле нашей комнаты. Они вынесли второй стул и усадились рядом с открытым окном, чтобы свет падал на переносной компьютер «Note-book», который Татьяна держала на коленях. Пальцы пышнотелой блондинки бегали по клавиатуре с такой скоростью, что у меня в глазах зарябило. Мягкое щелканье клавиш слилось в один непрерывный звук.

– Приспосабливаете техническую революцию к писательскому труду? – пошутил я.

Мне показалось, что Татьяна смутилась.

– Это очень удобно, – сказала она, словно оправдываясь. – Я такая растеряха, ни одной бумажки найти не могу, все куда-то рассовываю и забываю потом куда. А так все в одном месте, и искать легко.

– Вот вместо того, чтобы читать любовные романы, училась бы у тети Тани работать на компьютере, – назидательно сказал я, обращаясь к дочери.

Лиля молчала, только глядела на меня укоризненно своими огромными темно-серыми глазами.

– Она учится, – ответила вместо нее Татьяна. – У нас все на основе взаимности. Она мне – сведения о жизни школьников, я ей – навыки работы с текстовым редактором. Разве Лиля вам не говорила?

Я получил очередной щелчок по носу. В самом деле, каждый вечер я спрашивал Лилю, чем она занималась, и она коротко отвечала: «С тетей Таней разговаривала». В подробности я не вдавался, и, видимо, напрасно. Надо будет сегодня же начать наверстывать упущенное.

– А почему вы не пошли есть арбуз?

– Я еще свою норму не выполнила.

– Самодисциплина? – А как же. Без этого нельзя, иначе я вообще ничего не напишу. Я поспать люблю, в постели поваляться.

– И какая у вас норма?

– Десять страниц в день. Триста пятьдесят строк. Пока не сделаю – спать не ложусь.

– Вот видишь, Лиля, – строго обратился я к дочери. – У тети Тани норма триста пятьдесят строк, а ты ей мешаешь, отвлекаешь. Она из-за тебя спать не ложится. Даже арбуз есть не пошла. Кстати, а ты-то почему его не ешь? Ты же любишь арбузы.

– Мне с тетей Таней интереснее, – тихо проговорила Лиля, и ее бездонные глаза наполнились слезами.

– Зачем вы так, Владислав, – упрекнула меня Татьяна. – Лиля несколько мне не мешает. Она сидит тихонечко и смотрит, как я пишу.

– Разве вас это не отвлекает?

– Ничуть. Я привыкла работать в присутствии людей, отдельного кабинета мне пока не полагается.

– Танечка, а кем вы работаете?

Ее имя сорвалось у меня с языка раньше, чем я успел сообразить, что вообще впервые обращаюсь к ней по имени и впервые разговариваю с ней. И сразу «Танечка». Стасов, ты зарываешься. Какая она тебе Танечка? Она же тебя в упор несколько дней не видела. Но ее звучный голос действовал на меня завораживающе, и я уже забыл обо всем, кроме непосредственного предмета нашей с ней беседы.

– Я юрист.

– А точнее?

– Следователь.

Я бросил на Лилю уничтожающий взгляд. Интересно, сказала ли она Татьяне, кем работает ее родной папенька? И уж не этим ли обстоятельством объясняется отсутствие у Татьяны желания поближе познакомиться с отцом девочки, с которой она проводит так много времени?

Внезапно мне бросилось в глаза удивительное внешнее сходство их обеих. Ростом Лили пошла в меня, и в свои восемь лет уже имела сто пятьдесят два сантиметра. Да и килограммами ее бог не обидел, они планомерно наращивались с того самого времени, как она стала проводить все вечера на диване с книжкой, фруктами и сладостями. Правда, волосы у Лили были такие же, как у меня, темно-русые, а у Татьяны – какие-то платиновые, зато глаза у обеих были совершенно одинакового цвета. Я поймал себя на том, что не далее как два часа назад мысленно назвал Татьяну «толстой короной с поросычьими глазками», но ведь в тот момент она смеялась. Покажите-ка мне человека, у которого глаза остаются большими и выразительными, когда он хохочет, и можете бросить в меня камень. На самом деле глаза у девушки были нормального размера, не такие, конечно, как у Лили, но и не поросычьи. И потом, видел я ее по утрам, когда она расхаживала по двору в купальнике, а сейчас, вечером, на ней была надета длинная свободная юбка и трикотажная майка с глубоким вырезом, и выглядела Татьяна в этом наряде очень даже прилично. Во всяком случае, «короной» я бы ее уже не назвал. Вообще, я привык всех женщин сравнивать с Ритой, у которой была безупречная фигура, хоть сейчас на конкурс красоты. Но ведь, в конце концов, даже это не удержало меня от развода. К тридцати пяти годам я хоть и несколько запоздало, но понял, что с фигурой ты только в постели лежишь, а живешь-то с человеком. И если к тому времени мне еще не надоело ложиться в постель с Риткиным роскошным телом, то жить в одной квартире с ее, мягко говоря, спорным характером я больше не мог.

И теперь, глядя на них, удобно устроившихся на стульях под ветвями дикого винограда, таких похожих друг на друга, я вдруг с болью осознал, как не хватало все эти годы моему ребенку спокойного доверительного контакта со взрослыми, когда можно по вечерам долго и неторопливо разговаривать, делиться своими проблемами, спрашивать совета. Нам так нравилось, что наша дочь спокойная и самостоятельная, не нуждающаяся в нашем постоянном присутствии, в мелочной опеке, что мы совершенно забыли поинтересоваться, а нравится ли это ей самой.

Я почувствовал себя лишним, хотя Татьяна прервала работу и выжидательно смотрела на меня, готовая продолжить беседу.

– О чем ваша новая книга? – спросил я, преодолевая желание уйти в комнату и лечь и стараясь быть вежливым, чтобы Лиле не было за меня неловко.

– Об этом городе. Знаете, я не люблю писать о том, чего не знаю, и о местах, где никогда не бывала. Я, вообще-то, езжу мало, на подъем тяжела, но уж если где оказываюсь, обяза-

тельно «совершаю преступление» в этом месте. Раз оказалась здесь на отдыхе, значит, надо это использовать.

– И что вы собираетесь здесь натворить? Мафиозную разборку в войне за прибрежные территории под постройку роскошного пансионата?

– Это интересная мысль, – оживилась Татьяна. – Я об этом как-то не подумала. Нет, мой замысел проще. Вы, наверное, знаете, сейчас здесь проходит кинофестиваль, вот я и хочу привязать к нему сюжет своей повести.

– Лиля, – скомандовал я. – Время. Пора в постель.

– Папа, – жалобно промычала она. – Пожалуйста, папа...

В меня словно бес вселился. Я сам не понимал, что со мной происходит, я не узнавал себя.

– Хорошо, можешь читать. Но в постели.

– Но папа...

– Котенок, ты взрослый человек, поэтому тебе я скажу открытым текстом: мне нужно поговорить с тетей Таней. Наедине.

– Папочка... – Лилия готова была расплакаться.

Но я был непреклонен, в глубине души понимая, что строгость надо проявлять в другом месте, в другое время и совсем по другому поводу. Я же говорю, меня как подменили.

– На-е-ди-не, – отчеканил я, наклоняясь и поднимая девочку на руки. Она ткнулась лицом мне в шею, и я почувствовал влагу на коже.

– Танечка, пять минут подождете? – спросил я, выглядывая из-за копны Лилиных кудряшек.

Я унес Лилию в комнату, усадил к себе на колени и крепко обнял.

– Не сердись, котенок, – прошептал я. – У меня к тете Тане очень серьезный разговор, служебный, понимаешь? По поводу ее повести. Хочу рассказать ей кое-что из своей практики, вдруг пригодится. И кроме того, дядя Сережа, который ко мне приходил, просил передать ей один секрет. А секрет – он и есть секрет, для него нет исключений, даже если ты – моя дочка, правильно?

Она кивнула и всхлипнула.

– Тогда все. На горшок, чистить зубы и в постель. Можешь читать до тех пор, пока я не вернусь.

Через десять минут я шел по длинной темной улице в сторону людного освещенного центра. Ничто уже не напоминало здесь тот курортный город, к которому я привык, когда меня еще пятилетним привозили сюда родители. Я бывал здесь много раз, хорошо ориентировался в улицах и переулках, но все равно чувство было такое, что я никогда в этом городе не был. Последние пять лет изменили его до неузнаваемости.

Рядом со мной шла Татьяна, которая внимательно слушала мой рассказ об убийстве Ольги Доренко. Странное чувство не покидало меня. Много раз в своей двадцатилетней служебной жизни я сталкивался с женщинами-следователями, с некоторыми из них спал, с остальными сотрудничал. Но если они становились моими любовницами, я в их присутствии не произносил ни слова о работе. Если же обсуждал что-то служебное, они мгновенно превращались для меня в бесполок существ. Сейчас же я говорил на сугубо профессиональные темы с женщиной-следователем, отдавая дань ее хватке и юридической грамотности и в то же время необыкновенно остро чувствуя, что она – Женщина. Именно так, с большой буквы.

Глава 3

Я пригласил Татьяну в ресторан, но она со смехом напомнила мне об обильном ужине, поэтому мы решили скромно посидеть в каком-нибудь баре. Подходящее заведение мы нашли довольно быстро, правда, музыка там была оглушительная, но с этим пришлось мириться: баров без музыки в этом курортном городе вообще не было.

Войдя, я сразу начал оглядываться, ища глазами знакомых киношников, чтобы ненароком не выбрать место рядом с ними. Прямо у входа я увидел двоих операторов, работавших в объединении «Звезда» у Игоря Литвака, а в глубине у окошка заметил журналиста, с которым у моей бывшей супруги был скоротечный роман сразу после нашего развода. Журналист сидел в обществе бесполого существа с пышными кудрями и тщательно выбритым лицом, облик которого наводил на вполне определенные мысли, окрашенные легким налетом «голубизны». Я подумал, что это, наверное, и есть знаменитый Руслан – актер, проходивший в титрах без фамилии, наподобие певиц Виктории или Элеоноры. Ритка говорила, что Руслан – убежденный гомосексуалист, не скрывающий своих сексуальных пристрастий и ничуть их не стесняющийся.

Татьяна проследила за моим взглядом и тоже увидела кудрявое чудо с капризно изогнутыми губами.

– Вы его знаете? – спросила она тихонько, пробираясь вслед за мной к стойке, где как раз освободились два места возле включенного телевизора.

– Не уверен. Мне кажется, что это Руслан.

– Руслан? Тот, который играл в «Опасных страстях»?

– Он самый. Но, повторяю, я не уверен. Может, просто похож.

Мы заняли удачно подвернувшиеся места, и тут же к нам подлетел маленький черноусый бармен в брусничного цвета пиджаке, белоснежной рубашке и галстук-бабочке. Я заказал коньяк для Татьяны и джин с тоником для себя.

– Жаль, что я уже почти до половины написала свою «нетленку», – вздохнула она, делая первый маленький глоточек. – Теперь отступать некуда, надо дописывать в соответствии с первоначальным планом. Ваша история с убийством Доренко кажется мне намного привлекательнее. Представляете, какой разворот можно было бы сделать! Борьба конкурсантов, интриги, ревность, месть, корысть – полный спектр, от мелкой пакости и беспробудного пьяного блуда до взятки и «заказного» убийства. Блеск!

– А о чем ваша повесть? – вежливо поинтересовался я, хотя на самом деле мне было на это глубоко наплевать. Мне нужна была Татьянина голова – голова юриста-профессионала, следователя с хорошим знанием женской психологии (по части мужской я и сам не промах), но главное – со свободным полетом фантазии, как у любого писателя. У меня самого с фантазией всегда было бедновато, может, поэтому я и не стал великим сыщиком, прославленным на все министерство. Зато я был, как говорили мне самые разные начальники, прекрасным исполнителем. Если поставить передо мной задачу, то я из-под себя вывернусь, но придумаю, как ее решить, и сумею организовать выполнение. Именно поэтому я дорос до начальника среднего звена: стратегические задачи за меня придумывали руководители повыше рангом, а передо мной их только ставили.

– Моя повесть о конкурсе красоты. Помните, в сводках проходил пожар в здешнем Летнем театре во время конкурса «Мисс Побережье»? Тогда погибло несколько девушек-конкурсанток.

– Что-то припоминаю, – неуверенно ответил я. – Это было, кажется, месяца два назад?

– Если точнее – три. Это было в апреле. Деталей я не знаю, но одна газета разразилась статьей о пожаре, и там, в частности, была любопытная деталь. Будто бы, со слов каких-то оче-

видцев, которых в интересах следствия не называют, во время конкурса вокруг театра видели группу подростков, одетых в одинаковые трикотажные майки с одинаковой надписью. И на основе этого даже выдвигалась версия, что это была «группа поддержки» одной из участниц конкурса, которая и устроила пожар в отместку за то, что «их» героиня не получила приз. Вот это и навело меня на мысль о сюжете. Теперь поздно менять замысел. Ладно, – она махнула рукой, – об убийстве актрисы я напишу в следующий раз. Что вы на меня так смотрите?

– Пытаюсь понять, волосы у вас крашенные или натуральные?

Она рассмеялась, при этом ее серые глаза снова стали маленькими, зато обнажились красивые белые зубы.

– Владислав, вы напоминаете мне моего первого мужа. Он никогда не изучал криминалистику, и ему и в голову не приходило, что при разном освещении один и тот же цвет воспринимается по-разному. И сколько я ему ни объясняла, что никогда не крашу волосы, он никак не мог привыкнуть к тому, что при дневном и вечернем освещении, в солнечную и пасмурную погоду, зимой и летом цвет волос выглядит чуть-чуть по-другому. И он регулярно спрашивал меня, не покрасила ли я волосы, что-то у них оттенок другой.

Первый муж. Это любопытно. Сколько же их у Танечки? Семнадцать? Она совершенно не производила впечатления женщины, идущей у мужиков нарасхват. Но я тут же вспомнил, какое гипнотизирующее воздействие оказывает на меня ее низкий звучный голос. И вспомнил острое ощущение волнующей женственности, исходящее от нее... Черт ее знает, эту Татьяну, может, она и вправду пользуется успехом. Не у всех же эталоном служит фигура Маргариты Мезенцевой.

– А сколько у вас всего мужей?

– Два. Первый и второй. Может быть, через полтора-два года будет и третий.

– Вы так загодя можете планировать? – удивился я. – А вдруг за полтора-два года он вам надоест?

– Но я же сказала: может быть. И потом, я его еще не встретила.

– Еще не встретили, но уже уверены, что за полтора-два года это произойдет? Вы ясно-видящая?

– Ни за что. Я очень практичная. И знаю, что мой временной лимит увлеченности не превышает шести-восьми месяцев. Потом, если за это время не возникают теплые дружеские отношения, наступает логический конец.

– А если возникают?

– Тогда я выхожу замуж. Во всяком случае, два раза я этот фокус проделала.

Она снова засмеялась и отпила коньяк. Ее полная обнаженная рука была прямо перед моими глазами, и я увидел, что кожа у нее очень гладкая. Мне захотелось дотронуться до нее, чтобы выяснить, какая она на ощупь – атласная или бархатистая.

– Как же вы все успеваете – и следствие, и книги, и замуж выходить? Кстати, вы много книг написали?

– Восемь. Сейчас пишу девятую. А что касается всего остального, то у меня есть Ирочка, вот она и следит, чтобы я все успевала.

– Ирочка? Ваша подруга вам бескорыстно служит? – съязвил я, поскольку в женскую дружбу после шести лет жизни с Ритой верил весьма слабо.

– Ирочка – сестра моего первого мужа. Он, видите ли, решил строить свой бизнес в Канаде, ну я и отпустила его на все четыре стороны. Мы заключили джентльменское соглашение: нашу большую квартиру делить при разводе не стали, он оставил ее мне, а поскольку первоначальный капитал ему все-таки был нужен, он прибавил к тому, что у него было, деньги за квартиру, в которой жила Ира. Ира переехала ко мне на правах моего секретаря и экономки. И мне удобно, и все довольны. Она за мной ходит не хуже няньки. Все свои гонорары за книги я

откладываю, чтобы скопить на квартиру для Иры, если она решит отделиться от меня. Поэтому и пишу так много.

– Получается, Ирочка работает вашей домработницей, а вы за это покупаете ей квартиру?

– Ну, примерно. Она создает мне условия, чтобы я могла спокойно зарабатывать деньги. Без нее я писала бы по одной книге в год, только во время отпуска.

– Здорово вы устроились. А если она захочет замуж?

– Да пусть выходит. Квартира огромная, все поместимся, и я со своим мужем, и она со своим. Но хозяйство все равно будет на ней.

– Вы и в самом деле практичная, – сказал я одобрительно, хотя в глубине души не мог справиться с удивлением. Обычно в таких парах, какую Татьяна составляла со своей хорошенькой подругой, более красивая девушка играла главную роль, а другая, менее привлекательная, зато более умная, была как бы при ней. Здесь все оказалось наоборот.

Из телевизора донеслись знакомые звуки, сопровождающие заставку к информационной программе. Я заказал себе еще выпивку и повернулся поудобнее, чтобы послушать новости. Переговоры в Чечне... Заседание правительства... Дума в первом чтении приняла закон...

– Открывшийся два дня назад кинофестиваль «Золотой орел» был омрачен трагедией, – услышал я голос диктора. – Сегодня ночью в своем гостиничном номере была убита популярная актриса Ольга Доренко, известная по фильмам «Любовница героя», «Прошлое во мраке», «Армейская жена». Ведется следствие.

На экране в это время появилась фотография Ольги в траурной рамке.

– Значит, вот она какая, – тихо произнесла Татьяна. – А я ни одного фильма с ее участием не видела. Я за последние три года ни разу в кино не была.

– А телевизор? – удивился я. – Все эти фильмы показывали по телевизору, кроме «Армейской жены».

– За этим следит Ирочка, у меня времени нет. Она начинает смотреть и сама решает, нужно звать меня или нет. Приходится выбирать между фильмами и работой.

– Похоже, без своей Ирочки вы пропадете.

– Пропаду, – согласилась Татьяна.

Из телевизора снова донеслись сообщения о Боснийском конфликте, о повышении цен на энергоносители... Внезапно диктор поднес к уху трубку стоящего перед ним телефона.

– Только что мы получили новое сообщение с кинофестиваля, – произнес он каким-то странным голосом. – Произошла еще одна трагедия. Наш корреспондент на фестивале сообщает, что сегодня около 22 часов от руки неизвестных преступников погибла актриса Людмила Довжук. Организаторы фестиваля в ближайшие часы примут решение о том, продолжать ли работу или в связи с чрезвычайными обстоятельствами закрыть фестиваль, перенести его на другое время.

Я непроизвольно вцепился в руку Татьяны. Люська! Краем глаза я увидел, что оба оператора, журналист и тип, похожий на Руслана, вскочили со своих мест и ринулись к выходу.

– Вы со мной пойдете? – спросил я Татьяну, даже не считая нужным объяснять, куда именно. Сама должна понимать.

– Обязательно.

Она подняла свою рюмку и одним глотком допила коньяк.

– Пошли, – сказала она, ловко слезая с высокого стула. – У вас стратегия есть?

– Какая стратегия?

– Поведения там, куда мы идем. Вы уже решили, как себя вести?

– На месте ориентируюсь, – бросил я через плечо, протискиваясь к выходу.

Мы вышли на улицу, где после душного бара показалось прохладно почти до озноба. Я взял Татьяну под руку и быстро повел ее в сторону гостиницы.

– Так не годится, Владислав, – говорила она, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы. – Я не люблю экспромты. Все, что можно, нужно планировать заранее. Что мы будем там делать? Изображать зевак? Или играть в профессионалов? Что будете делать вы? Что делать мне?

– Танечка, я ничего не знаю. Придем – увидим. Если я сразу найду Лисицына, одна картина, если нет – другая.

– А если вы встретите свою жену? Я для нее кто? Соседка по дому? Следователь из Питера? Случайная знакомая?

– Вы – моя женщина. Любовница. Вас это не оскорбляет?

– Зачем вы так, Владислав. Вы хотите ее обидеть?

– Она не обидчивая. Танечка, не забивайте себе голову всякой ерундой. Как выйдет – так и выйдет.

Она замолчала и всю дальнейшую дорогу не произнесла ни слова. Но я был уверен, что она меня не одобряет.

* * *

Выходило, что Татьяна все-таки оказалась права. Единственное, чего я не учел, было появление возле места преступления того полковника, с которым я так мило беседовал не далее как сегодня днем. Было бы верхом наивности полагать, что он меня не узнает или не заметит. Итак, подход к гостинице был для меня перекрыт.

Я устроился в темноте под раскидистым деревом и издали наблюдал, как Татьяна объясняла какому-то милиционеру, что ей нужен Сергей Лисицын. В гостиницу ее, конечно, не пустили, там работала бригада, но после длительных переговоров милиционер согласился передать Лисицыну, что его спрашивает девушка с Первомайской, восемь.

Ждать пришлось долго. Наконец в освещенном проеме двери появилась знакомая фигура Сергея. Он остановился на широком крыльце и стал искать глазами того, кто его вызвал. Татьяна помахала ему рукой, привлекая внимание. Видно, он ее сразу узнал, потому что кивнул и быстро подошел. О чем они разговаривали, мне не было слышно, я только видел, как Татьяна изредка кивала и ритмично притоптывала ногой. В какой-то момент мне показалось, что Сережа хочет оглянуться, чтобы найти меня, но Татьяна, словно уловив его намерение, тронула парня за плечо и отвлекла на себя. Правильно, нечего башкой крутить, когда с тобой о деле разговаривают. Любой сторонний наблюдатель сразу догадается, что речь идет о человеке, который находится где-то поблизости. А мне бы не хотелось, чтобы таким сторонним наблюдателем оказался тот полковник, которому я сильно не понравился.

Возле гостиницы стояли четыре милицейские машины с мигалками, собралась толпа, состоявшая как из проживающих, так и из любопытствующих прохожих. Подозреваю, что еще полчаса назад народу здесь было куда меньше, но после сообщения в выпуске новостей многие прибежали сюда понюхать, чем пахнет беда. Беда пахла близким морем, какими-то тропическими цветами и ненавистью. Да-да, именно ненависть читалась на лицах милиционеров, оцепивших здание гостиницы. В течение только одних суток на их плечах «повисло» второе убийство, виновником которого был этот дурацкий фестиваль.

Я прислушивался к себе и старался понять, хочу ли я оказаться сейчас там, внутри, в освещенном холле, отдавая команды, опрашивая свидетелей, делая первые неотложные шаги по раскрытию убийства. И с горечью признавался себе, что – нет. Не хочу. Я устал. Мне надоело. Я ухожу из милиции. Я больше не могу.

Татьяна наконец вернулась ко мне, а Сергей Лисицын торопливо ушел обратно в гостиницу.

– Пойдемте, Владислав, – сказала она, беря меня под руку. – Не будем здесь отсвечивать. По дороге все расскажу.

Мы шли совсем медленно, потому что до нашей Первомайской улицы было не больше двадцати минут ходу, а вести разговоры дома мне не хотелось.

От Лисицына Татьяна узнала, что после ночного убийства Ольги Доренко Людмилу Довжук переселили в другой номер, который до того единолично занимала весьма капризная особа – генеральный директор кинообъединения «Веста» Алла Казальская. Алла занимала двухкомнатный «люкс», за который платили, разумеется, спонсоры кинофестиваля. Но именно это обстоятельство и позволило оргкомитету, не выходя за рамки количества забронированных для участников фестиваля номеров, подселить к ней Люсю. Если бы Казальская сама оплачивала свои хоромы, она погнала бы просителей поганой метлой. Но поскольку ни одного свободного номера в гостинице больше не было, ее попытки покапризничать были пресечены на корню, и она, скрипнув зубами и злобно скривив губы, стала убирать с дивана сваленные кучей дорогие тряпки, которые она навезла с собой в немыслимых количествах.

Переселение состоялось сегодня рано утром. Днем прошли плановые просмотры, вечером должна была состояться очередная пресс-конференция с творческими группами, чьи фильмы сегодня были представлены на суд жюри. Казальская неизменно приходила на все пресс-конференции, а вот Люсиного присутствия сегодня не требовалось, и она, сославшись на головную боль и усталость после страшной бессонной ночи, осталась в «люксе». Как всегда, в 22.30 пресс-конференция закончилась, и Алла поднялась в номер переодеться перед тем, как идти в ресторан. Картина, которую она застала, сильно напоминала ту, что предстала перед глазами бедной Люси менее суток назад. Люся лежала на полу в луже крови с огнестрельной раной в области сердца. Отличие состояло лишь в том, что если в номере Доренко и Довжук порядок не был нарушен, то в «люксе» Казальской все было перевернуто вверх дном. По-видимому, убийца искал ценности, которых у Аллы всегда было в избытке как на шее и руках, так и в шкапулке. Украшения она меняла столь же старательно, как и платья.

Я много слышал об Алле Казальской, и дурного, и хорошего. Например, она была одним из самых щедрых благотворителей, регулярно жертвуя деньги на детские больницы. Она обладала бесспорным вкусом на кинопродукцию и чутьем на актерские таланты, и, если ей казалось, что из этого мальчика выйдет звезда, она не жалела средств, чтобы сделать фильм, где он мог бы показать себя во всем блеске. Но с другой стороны, такое патронирование распространялось только на молодых мужчин. Даже самая талантливая девушка-актриса не могла бы рассчитывать на помощь и покровительство Казальской. Алла была нимфоманкой, при этом мужчины старше тридцати лет ее не интересовали. Самой же ей было за сорок.

Ясно было одно: если убить хотели ее, то убийцу следовало искать за пределами круга проживающих в гостинице участников фестиваля, ибо о переселении Люси в «люкс» знали абсолютно все, так же как о том, что Алла не пропускала ни одной пресс-конференции. Более того, нашлись такие, которые специально поднялись на этаж, где жила Казальская, чтобы послушать, с каким скандалом будет проходить переезд. Об умении Казальской закатывать сцены ходили легенды. Если же убить хотели именно Люсю Довжук, то убийца, скорее всего, жил в гостинице и знал, что она не пошла на пресс-конференцию и осталась в номере.

Еще Татьяна мне поведала, что, по словам Сергея, его начальник, тот самый, с которым у меня почему-то не складывались отношения, строго предупредил его насчет «настырного москвича», то есть меня. Общий смысл его высказываний сводился к тому, что, дескать, московская киномафия устроила у них в городе свою разборку, а у «этого москвича» жена самым прямым образом во все это завязана, поэтому он будет стремиться навязать следствию свою версию, и ни в коем случае нельзя ему (мне то есть) этого позволять и прислушиваться к его тенденциозным показаниям.

– Знаете, Владислав, этот Сережа мне кажется славным мальчиком. Он какой-то удивительно непохожий на сыщиков, которых я знала.

– Чем же?

– А у него гонора нет. Может, он просто молодой еще. Он ведь работает всего восемь месяцев, и за все это время у него не было ни одного серьезного раскрытого преступления. Так, по мелочи, он, конечно, что-то раскрывает, но все, что было серьезного, у него «висит». Он ужасно переживает из-за этого. Зверское убийство двух проституток – не раскрыто. Взрыв в ночном ресторане с казино – не раскрыт. А ему так хочется, чтобы у него хоть что-то получилось.

– Господи, Таня, откуда вы все это знаете? – изумился я. – Вы же разговаривали минут десять от силы.

– Ну, это смотря как разговаривать, – усмехнулась она. – Некоторым на сбор таких сведений и двух часов не хватит. Не забывайте, я же следователь, у меня все беседы по графику проходят. Один человек вызван на десять часов, а следующий – на одиннадцать. И будь любезна, Татьяна Григорьевна, уложиться в отведенное время. Не сумела получить нужную информацию – грош тебе цена. Человек, который тебя ждет в коридоре, понимает, что ты растяпа.

– Да бросьте, Танечка. Спокон веку считалось полезным помариновать допрашиваемого под дверью, чтобы страху понюхал. А если их всех вовремя принимать, то они, чего доброго, подумают, что у вас и забот-то других нет, кроме как их ждать и с ними разговаривать.

– Не знаю, не знаю. – Она покачала головой. – У меня другая позиция по этому вопросу.

– И какая же?

– Если человек умеет правильно распоряжаться временем, это означает, что он – четкий, строгий, обязательный, собранный, его ни заболтать, ни отвлечь, ни лапшу ему навешать невозможно. Я, во всяком случае, создала себе именно такую репутацию и очень ее берегу.

– И помогает в работе? – Я не сумел сдержать скепсис, прорвавшийся в интонации, и Татьяна поморщилась.

– Представьте себе. Я не имею права забывать о своей внешности, поэтому, если я не буду создавать себе соответствующую репутацию, меня вообще всерьез воспринимать не будут. Вам, Владислав, повезло, вы высоченный и широкоплечий, а я толстая...

– Танечка, – укоризненно перебил я ее, хотя самому было ужасно неловко, как всегда бывает, когда другие не просто читают твои мысли, но и произносят их вслух.

– Что – Танечка? Вы же не станете утверждать, что я – миниатюрная и стройная. Во мне как минимум двадцать лишних килограммов веса. Так вот, если женщина с моей внешностью будет демонстрировать нечеткость и несобранность, иначе как глупой курицей ее не назовут. В моем случае обязывает не только положение.

Я, к своему ужасу, почувствовал, что у меня горят щеки, и с радостью подумал, что, слава богу, на улице совсем темно. Мы уже ушли от освещенной центральной части и сейчас подходили к своей тихой Первомайской улице, застроенной одно- и двухэтажными домиками в окружении пышных садов. Навстречу нам не попадалось ни одного человека, и не мудрено – первый час ночи. Только за спиной я слышал шаги запоздалых прохожих, двигавшихся в том же направлении, что и мы.

Развивать тему о внешних данных моей спутницы мне не хотелось, поэтому я снова перевел разговор на убийства.

– Сергей не сказал, удалось ему выяснить что-нибудь о том, как Ольга провела вчерашний день? – спросил я.

– Очень немного. Поговорить с Довжук он не успел: когда он пришел в гостиницу, пресс-конференция уже началась, и ему сказали, что Людмила отдыхает и просила не беспокоить. Зато он нашел сотрудника оргкомитета, который ждал опаздывавшую Ольгу в холле. Этот человек рассказал, что, когда к началу пресс-конференции по «Армейской жене» Доренко не появилась, его послали встречать ее. Ольга прибежала запыхавшаяся минут через пятнадцать после начала. «Ты с ума сошла! – заорал на нее оргкомитетчик. – Где тебя носит?! Давай быстро в зал». У Доренко в руках была пластиковая сумка, знаете, похабная такая, с фиолетовым

рисунком и желтыми ручками, их в каждом магазине продают для продуктов. Она кинулась было в зал, потом глянула на этот шедевр оформительства и побежала к лифту. «Куда!» – снова закричал оргкомитетчик. Она ему ответила, что сейчас быстренько отнесет пакет в номер и вернется. «Ну куда мне в таком костюме и с этой сумкой. Две минуты, Геночка!» В общем, она была права: одетая в элегантный дорогой костюм, она с этой сумкой выглядела бы вызывающе нелепо. А завтра в «Вестнике кинофестиваля» появилась бы фотография кинозвезды Ольги Доренко, входящей в конференц-зал с этой чудовищной сумкой. И надпись соответствующая, что-нибудь о том, что она явилась на ответственную пресс-конференцию прямо с рынка, с сумкой, набитой помидорами и зеленью. Представляете, какой удар по имиджу? Короче, она прыгнула в лифт и действительно очень быстро вернулась уже без сумки.

– А в сумке в самом деле были помидоры и зелень?

– Нет, там было что-то небольшое, вроде книги. Геночка, разумеется, в сумку не заглядывал, на глазок прикинул. Он помнит, что у Ольги через плечо висела крохотная дамская сумочка на ремешке-цепочке, в нее, кроме кошелька и пудреницы, ничего больше не помещается, поэтому он и не удивился, что предметы чуть покрупнее она носит в пластиковой сумке.

– Очень странно. Куда же она ходила? Откуда принесла эту книгу? Да еще и опоздала, что на нее совсем не похоже.

– Может быть, она ходила на пляж, посидеть у моря, подышать воздухом, почитать. Книгу с собой брала, зачиталась, не заметила, как время пробежало, – предположила Татьяна, но не очень уверенным тоном. Видно, и ей такое объяснение показалось смешным.

– Танечка, вы перепутали Ольгу с моей дочерью, – засмеялся я.

Шаги за спиной послышались совсем близко, и я вдруг вспомнил о том, что мы идем очень медленно. Но у нас на то были свои причины, а почему же эти запоздалые прохожие нас не обгоняют? Заслушались нашим разговором, поняли, что мы обсуждаем сенсационные убийства? Этого еще не хватало!

Я крепче сжал локоть Татьяны и увлек ее к забору, над которым возвышались густые ветки какого-то плодового дерева, свешиваясь прямо на улицу.

– Обнимите меня, – прошептал я ей на ухо. – Давайте сделаем вид, что мы целуемся. Пусть они пройдут мимо.

Она послушно встала рядом и закинула свои полные руки мне на шею. Шаги затихли метрах в трех от нас, я различил в темноте три фигуры, кажется, это были подростки или очень невысокие молодые мужчины. Судя по всему, они и не собирались проходить мимо. Мне стало не по себе.

Я обнял Таню и стал осторожно ее целовать, с удивлением отмечая, что это оказалось очень приятным делом. Кожа у нее была бархатистой, а губы – сладкими, словно она только что съела конфету. Темные фигуры стояли неподвижно. Черт возьми, чего они тут ждут? Послушали умные разговоры, а теперь надеются, что мы им покажем половой акт в натуре?

– Мужики, проходите мимо, не смущайте даму, – сказал я, отрываясь от упругих Таниных губ.

В ответ раздалось фырканье, потом парни заржали и демонстративно медленно удалились. Мы постояли обнявшись еще некоторое время, пока их шаги не стихли в конце улицы.

– Вы не сердитесь? – спросил я, снова беря Татьяну под руку и ведя ее к дому номер восемь.

– Это было приятно, – откликнулась она. В темноте я не видел выражения ее лица, но по голосу мне показалось, что она улыбается.

Войдя во двор, я сразу посмотрел на окна второго этажа. Так и есть, Лиля еще не спит, воспользовавшись моим опрометчивым разрешением читать, пока я не вернусь. Но я же не рассчитывал, что буду отсутствовать так долго.

– Я вам сорвал сегодня творческий процесс, – сказал я виноватым шепотом: мы стояли прямо под окнами хозяйской спальни.

– Ничего, зато было много впечатлений, я их использую. Спокойной ночи, Владислав.

– Таня, вы сломаете язык, каждый раз произнося мое имя полностью. Будьте проще.

– А как вас обычно называют?

– Кто как. Владик, Стасик, Слава, даже иногда Дима. Выбирайте, что понравится.

– Тогда Дима. Спокойной ночи, Дима.

– До завтра.

Я поднялся по своей лестнице, а Татьяна стала обходить дом кругом. На противоположной стороне находилась вторая точно такая же лестница, ведущая в комнату девушек.

Конечно, Лиля лежала в постели на животе и читала «Украденные сны».

– У тебя совесть есть? – строго спросил я, отнимая у нее книжку. – Ты знаешь, который час?

– Ты мне разрешил сам... Ой, пап, у тебя все лицо в губной помаде. Ты что, с тетей Таней целовался?

Вот черт! То-то я удивлялся, что ее губы имеют вкус сладкой конфеты. Оказывается, это была помада. Какой-то новый сорт, такую мне целовать еще не приходилось. Я молча подошел к висевшему на стене маленькому зеркальцу. Да, видок тот еще. Не для детских глаз. По-видимому, мой ангел-хранитель, доставая из своего стеклянного барабана бумажку для сегодняшнего дня, вытащил ту, на которой было написано «дурацкое положение». Такие билетки тоже были, их было мало, но выпадали они, как обычно, в самые неподходящие моменты.

* * *

Утром я встал пораньше, разбудил Лилу и потащил ее на пляж, даже не покормив завтраком.

– Пойдем есть горячие чебуреки, – пообещал я, быстро снимая с бельевой веревки ее купальник, свои плавки и большое пляжное полотенце.

Лилия молча смотрела на мои поспешные сборы и не задала ни одного вопроса. От этого мне стало неловко. Лучше бы она спросила, в чем дело, я бы ей сплел какую-нибудь легенду. А так она следила за мной своими темно-серыми глазищами, и мне казалось, что она все понимает. Да, я боялся встретиться с Татьяной. То, что вчера вечером, на темной тихой улице казалось совершенно естественным, сегодня, при солнечном свете, представало совсем по-другому. Я не очень хорошо представлял себе, как должен после вчерашнего разговаривать с Таней. Делать вид, что ничего не было? Или, наоборот, незаметными улыбками и полупонамеками давать ей понять, что между нами теперь есть маленькая, пусть смешная, но тайна?

И еще одно не давало мне покоя. Вчера я, чтобы спасти репутацию Гарика Литвака, сунулся в местную «управу», а в результате оказался в роли лица, оказывающего помощь в раскрытии убийства. Более того, своим появлением возле гостиницы сразу после второго убийства я вольно или невольно заставил Сергея Лисицына думать, что всерьез включаюсь в работу. Сегодня утром я уже не смог бы членораздельно объяснить, чего меня понесло к гостинице, да еще вместе с Татьяной. Это был порыв, необдуманный и глупый, грозящий испортить мне первый за многие годы свободный от служебных забот отпуск. Разве имею я право втягиваться в какое бы то ни было расследование, когда у меня на руках восьмилетний ребенок? Конечно, я не самый лучший отец, но не до такой же степени! Никак я не мог решить, что же мне делать, ввязываться в игру или нет. В то же время я прекрасно отдавал себе отчет в том, что если я решаю активно помогать Сереже Лисицыну, то без Татьяны мне не обойтись, потому что я глупо и бездарно «засветился» перед местным замом по розыску, который быстренько прекрывает мне кислород, ежели что не так выйдет. Но в этом случае я должен вести себя с Таней

соответствующим образом и уж ни в коем случае не делать вид, что вчерашнего дня вообще не было.

Короче говоря, в голове моей была полнейшая сумятица, поэтому я и решил смыться из дома до того, как девушки встанут. К вечеру я должен принять какое-то решение, но до вечера еще есть время, а сейчас я был к решению не готов.

Когда мы с Лилей подошли к тому заведению, где кормили горячими чебуреками, дверь, к моему изумлению, оказалась запертой. С досадным опозданием я сообразил, что проходил здесь каждое утро около десяти часов, а сейчас только четверть восьмого. Так и есть, табличка на двери гласила, что чебуречная работает с 9.00 до 22.00.

– Чебураки отменяются, – сказал я преувеличенно бодрым тоном, сгорая от стыда перед разбуженным ни свет ни заря голодным чадом. – Какие есть предложения? Мороженое? Или хочешь, дойдем до базара и купим персиков?

– Папа, еще рано, мороженое не продают, – сказала моя умная дочь, глядя на меня с жалостью, как на инвалида умственного труда. – И магазины все закрыты. Пойдем лучше в парк, посидим на лавочке до восьми часов, а потом магазины откроются, и мы купим хлеба и чего-нибудь для бутерброда. И бутылку воды.

Это показалось мне разумным. Конечно, Лиля преследовала свои цели: «посидеть на лавочке» означало «почитать книжку», а под «чем-нибудь для бутерброда» подразумевалась, несомненно, очередная порция сырокопченой колбаски. Но в любом случае в такую рань ничего лучшего в плане завтрака мы бы не придумали.

Мы доплелись до парка и уселись на зеленой тенистой аллее. Лиля тут же уткнулась в толстую голубую книгу, а я занялся своими эгоистическими расчетами, не спеша покуривая и разглядывая какие-то экзотические цветочки на клумбах. За этим занятием нас и нашел невесть откуда взявшийся Сережа Лисицын.

– Доброе утро, Владислав Николаевич, – произнес он, усаживаясь рядом с нами на скамейку.

– Какими судьбами? – хмуро откликнулся я. Сегодняшний день мой ангел-хранитель бодро начал с двух несчастливых билетиков. Сначала мне не повезло с завтраком, теперь еще вот это...

– Искал и нашел.

Он обезоруживающе улыбнулся, но глаза у него были грустные и еще более щенячьи, чем вчера днем. Я подумал, что он не спал две ночи подряд, занимаясь убийствами в гостинице, и вдруг испытал острую жалость к этому совсем молоденькому пареньку, которого бросили, как кутенка в воду, на такие сложные преступления, дав ему в напарники двоих помощников, от которых толку как от козла молока. Как вчера сказала Таня? Он работает восемь месяцев, и за это время ни одного раскрытия, которым можно гордиться, все по мелочи. И учить его некому, наставником назначили пьющего пенсионера, за показатели голову не снимают, теперь ведь, наоборот, модным стало кичиться количеством нераскрытых тяжких преступлений. Дескать, посмотрите, в какой невыносимой оперативной обстановке мы живем, каждый день по десять трупов и пять взрывов, людей не хватает, все толковые сыщики поувольнялись на гражданку и в коммерцию или в частную охрану подались, раскрывать ничего не успеваем. И бьется бедный парень Сережа Лисицын как рыба об лед, и ничего-то у него не получается, и поплакаться в жилетку некому, и помощи ждать неоткуда. И вдобавок начальник такой специфический... А сыщицкая хватка у него, похоже, есть, если он нашел меня в этом парке.

– Чем порадуешь? – спросил я, искоса поглядывая на Лилю. Она была целиком поглощена изучением Татьянинного творения, но я подозревал, что уши у нее настроены на нашу волну. Сергей перехватил мой взгляд и едва заметно кивнул.

– Лиля, нам с дядей Сережей нужно поговорить. Сиди здесь, никуда не уходи, а мы походим по аллее.

– Хорошо, папа, – пробормотала она, не отрывая глаз от раскрытой книги.

Мы поднялись и начали прохаживаться взад и вперед по тенистой, наполненной утренней прохладой аллее. Сергей поведал мне, что, когда бригада закончила работать в номере Казальской, ту попросили посмотреть, все ли вещи на месте. Оказалось, что пропала шкатулка с драгоценностями. Самое забавное, что несколько очень дорогих украшений лежали на самом виду, на туалетном столике, но преступник (или преступники?) их обошел своим вниманием, а позарился на запертую на ключик шкатулку. В этом была своя логика: если цапки на много тысяч долларов валяются без присмотра на столе, то не исключено, что это – хорошая подделка, а вот то, что находится в запертой шкатулке, наверняка стоит того, чтобы оказаться запертым на ключ и лежать не на виду, а в шкафу, среди женского белья. Таким образом, две первоначальные версии плавно переросли в три: убийство, целью которого была Казальская; убийство, целью которого была Люся Довжук; убийство с целью ограбления. Час от часу легче не делалось.

– Кто осматривал вещи Доренко после ее убийства? – спросил я. Мне не давала покоя мысль о том, куда же ходила Ольга перед пресс-конференцией и откуда она принесла уродливый пакет, фиолетовый с желтыми ручками.

– Яковчик и я. А что?

– Ты не помнишь, была ли среди ее вещей пластиковая сумка, фиолетовая, желтые ручки, внутри что-то, по габаритам похожее на книгу. Книга, коробка конфет или печенья, небольшой сверток.

– Не помню. Кажется, не было.

– Где сейчас ее вещи?

– В номере Казальской. Довжук, когда переезжала, сложила все вещи убитой и перенесла вместе со своими. Хотите, чтобы я еще раз посмотрел?

– Хочу. Вернее, это ты сам должен хотеть, – тут же поправился я. Нельзя говорить «хочу»: это означало бы, что я согласился взять на себя функцию помощника-руководителя. А я еще не согласился. И не соглашусь ни за что. – Я тебе просто советую. Я знал Ольгу несколько лет и могу сказать тебе совершенно точно: для того, чтобы она опоздала на деловое мероприятие, нужны очень веские причины. Очень. Покопайся здесь. Может быть, ее шантажировали, и она ходила на переговоры с шантажистом. Может быть, ее даже шантажировали какими-нибудь пикантными фотографиями, и она ходила их выкупать. Ушла с деньгами в сумочке, а вернулась с пачкой фотоснимков, которые по габаритам в сумочку не поместились, поэтому пришлось купить пакет в первом попавшемся магазине. Может быть, она завела роман с кем-нибудь вне гостиницы, бегала к нему на свидание, а возлюбленный возьми и сделай ей подарок. Отказаться – обидеть, выбросить по дороге – жалко, а в сумку не влезает. Короче, Сережа, я советую тебе порыться в позавчерашнем дне. Тут что-то не так.

– Значит, вы уверены, что оба убийства между собой не связаны?

– Ни в чем я не уверен. В случае с Довжук есть три объяснения, в случае с Ольгой – только одно. Пока. Если убийства связаны, то убийцу надо искать среди женщин, которые могут получить пятьдесят тысяч долларов за лучшую женскую роль. Их всего было сколько?

– Шесть, – вздохнул Лисицын. – И с исчезновением тех, кто возглавляет список, шансы остальных увеличиваются. Премии-то все равно надо вручать.

– И кто у нас там остался?

– Остались четверо.

Он достал из кармана блокнот и заглянул в него.

– Первая – Регина Голетиани, литовка, замужем за грузином, семья очень обеспеченная, за пятьдесят тысяч долларов мараться вряд ли станет.

– А слава? Серега, для артиста слава дороже денег, потому что первая премия на фестивале обеспечивает кассовость будущих фильмов с его участием, а это – тоже деньги, прибыли, причем зачастую огромные. Кто следующий?

– Екатерина Иванникова, двадцать один год, заканчивает ВГИК. Знаете, такой ангелочек, глазки большие, зелененькие, волосы белокурые, голосок нежненький. Я таких больше всего боюсь.

– Почему?

– Потому что при нашей поганой жизни ангелом быть невозможно. Неоткуда взяться ангельскому нутру, условия не способствуют. Поэтому женщина, которая производит впечатление ангелочка, вызывает у меня ужас. Она мало того, что притворщица, так еще, скорее всего, и стерва первостатейная.

Я с любопытством глянул на Сергея. Надо же, в его-то годы – и уже такой печальный, но полезный опыт. Интересно было бы посмотреть на ту красавицу, которая так обошлась с симпатягой Лисицыным. О Кате Иванниковой я слышал от Риты, разумеется, только плохое, но это не было показателем. Еще не родился человек, о котором моя экс-супруга отзывалась бы хорошо. Среди того, что говорила Ритка, были и факты, свидетельствующие об абсолютной безнравственности молоденькой старлетки, о ее готовности «обслужить» в любой форме кого угодно, где угодно и когда угодно, лишь бы получить роль. Не знаю, в какой мере можно было верить этим рассказам, ну, с учетом особенностей характера Маргариты Мезенцевой, конечно, не на сто процентов, но вот на семьдесят или на двадцать – сказать трудно. В каком-то смысле Катя была полной противоположностью Алле Казальской: если Аллу ненавидели в основном женщины, которым она нагло и без всяких пристойных объяснений отказывала в работе, то Катю, как ни странно, ненавидели в основном мужики. Женщины относились к ее откровенному блядству совершенно равнодушно, считая ее дешевкой, не способной разрушить мало-мальски крепкие отношения. А вот мужчины таких сучек всегда ненавидят, потому что доступное, быстрое, дешевое и острое удовольствие является для них наркотиком, против которого они бессильны. Сама мысль о том, что можно в любую минуту поставить это белокурое создание на колени и заставить открыть рот, будоражит, греет самолюбие, воздействует на уровне подсознания на глубинное инстинктивное стремление любого мужика быть хозяином и повелевать женщиной. И попадая в зависимость от такой вот поблядушки, мы ненавидим ее за то, что не можем от нее отказаться. Мы ее презираем, порой она нам бывает просто отвратительна. Часто возникает желание убить ее и никогда больше не видеть. А отказаться не можем. Вот такие мы дураки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.